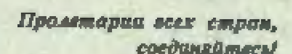

НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КОСМОСЕ
КОГДА СПИТ ГОРОД
Жорж СИМЕНОН
БУЛАВКА В ФОРМЕ ПОДКОВЫ
КАРАНДАШ—ИМЕНИННИК
ОГОНЁК
№ 44 ОКТЯБРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
РАССКАЗ
О ВОСКРЕСШЕМ ФАРХАДЕ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 44 (1949)

25 октября 1964

ТРИ БОГАТЫРЯ:

—ЗДРАВСТВУЙ, РОДИНА, ЗДРАВСТВУЙТЕ, МОСКВИЧИ!

Москва, 19 октября 1964 года. Внуковский аэродром. Встреча советских космонавтов В. М. Комарова, К. П. Феоктистова, Б. Б. Егорова.

Фото А. Гостева и М. Савина.

Дорога на космодром начинается на Красной площади. Здесь, перед Мавзолеем Ильича, звездный экипаж поклялся выполнить задание Родины...

Фото А. Бочинина.

Слушай, Земля! Они снова на Красной площади, они рапортуют Советской Родине: клятву сдержали, полет космического корабля успешно завершен!

Ленинский проспект — звездная трасса...

ПЕРЕД ДАЛЬНИМИ КОС

— Почему экипаж космического корабля состоял именно из трех человек? — спрашиваем мы у врача, сотрудника научного учреждения, где космонавтов готовили к полету.

— Орбитальные полеты вокруг нашей планеты выполняют в одиночку,— отвечает он.— Ведь в случае болезни, например, или технических неполадок космонавт в любое время может прервать полет и возвратиться на Землю. А в дальнем космическом рейсе такая возможность исключается. Притом уже настало время, когда надо производить обширные исследования в космическом пространстве, выполнить их человеку одной специальности не под силу. Кроме того, обширная программа научных исследований уже не может быть обеспечена информацией, передаваемой по телеметрическим каналам. Так перед наукой встала проблема: комплектование экипажа космического корабля.

Сначала предстояло решить, какие именно специалисты необходимы в дальнем полете к другим планетам. Прежде всего летчик-космонавт, потом — инженер-ученый и врач.

Такое объединение специальностей в какой-то мере традиционно: комплектование исследовательских бригад из летчиков, инженеров и врачей позволяет продуктивно решать самые сложные вопросы. Такая тройка практически сумеет преодолеть все трудности дальнего космического рейса, провести исследования по заданной программе. При этом космонавты должны быть так подготовлены, чтобы в определенных пределах заменять друг друга.

— А как тренировали экипаж к полету?

— Тренировка Комарова, Феоктистова, Егорова имела свои особенности. Были значительно расширены психологические исследования. С помощью таблиц мы проверяли у космонавтов скорость ответных реакций, брали пробы на время (отсчет в уме заданного отрезка времени, скажем, двадцати секунд) и тому подобное. Эти исследования проводились также и в состоянии кратковременной невесомости при полетах на самолете.

Вся жизнь космонавтов в полете будет проходить в небольшом замкнутом помещении звездолета. А полет может длиться месяцы, даже годы. В таких условиях дружба, взаимное уважение, слаженность в работе имеют первостепенное значение.

Предварительное изучение характеров людей, их симпатий и антипатий оказывается недостаточным. При длительном совместном пребывании в экспериментальной камере индивидуальные особенности порой проявлялись совсем не так, как заранее предполагалось. Кроме того, каждый член экипажа может быть отличным специалистом в своей области. Однако трудно сказать, как будет работать экипаж в целом. Изучение всех этих вопросов относится к групповой психологии.

Комаров, Феоктистов и Егоров участвовали и в тех тренировках, которые ранее выполняли их предшественники. Только на этот раз тренировки были более действенны, поскольку они строились с учетом опыта уже совершенных космических полетов. Так, например, физическая подготовка. Тут разработана стройная система, вполне оправдавшая себя. Разбита эта система на два этапа. Первый — общегигиенический. В него

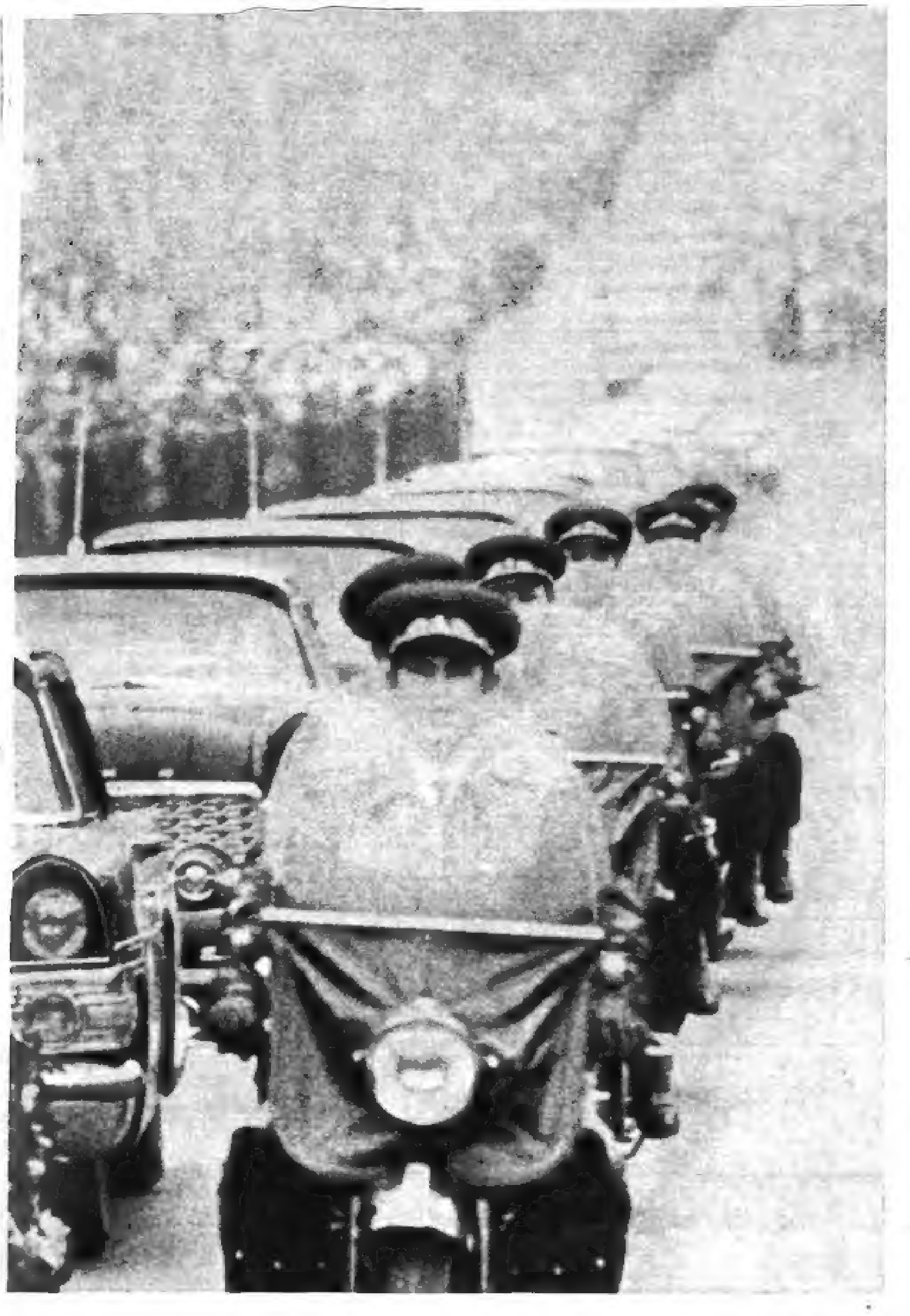

Фото А. Ляпина.

Я взял флягу с водой. Отвинтил крышку, вода столбиком устремилась из горлышка вверх и рассыпалась на шарики. Попробовал пить. Пил легко, но не вся вода попадала в рот. По программе выполнял упражнения на точность движений: попадал карандашом в круг. Делал это без затруднений.

В заключение программы ел конфеты. Одну развернул, половину откусил, разжал пальцы, и — вторая половина уплыла за голову. Развернул вторую и уже съел целиком. Жевал и глотал без затруднений. Хорошо ощущал вкус. Выполнение упражнений в невесомости, конечно, требует большего внимания, чем на земле. Например, письмо — ощущается отсутствие опоры. Впрочем, почерк не менялся.

— Ну, это, так сказать, субъективные ощущения космонавта,— говорит врач.— А вот объективные данные: частота дыхания в горизонтальном полете — от 17 до 23 циклов в минуту, а в невесомости — 16—21 цикл. Пульс на земле был 73 удара в секунду, а в невесомости — 90—108.

— Ну, а как перенес невесомость ваш коллега врач?

— С особенностями влияния невесомости на организм Егоров познакомился раньше, чем стал космонавтом. Ведь он принимал непосредственное участие в исследованиях влияния невесомости на человека, в изыскании средств, уменьшающих это вредное воздействие.

Посмотрите его запись в журнале: «Перед полетом самочувствие хорошее. Перегрузку при пилотировании перенес хорошо. Каких-либо зрительных нарушений не было. При переходе в состояние невесомости и во время невесомости — приятное ощущение легкости. Каких-либо неприятных ощущений, иллюзий — кренов, переворотов — как с открытыми, так и с закрытыми глазами не было. Настроение все время оставалось бодрым».

В специальной компактной упаковке лежит спасательное снаряжение.

— Вопрос безопасности полета космонавтов был тщательно изучен,— рассказывает врач.— Несмотря на глубокую уверенность в надежности космического корабля, мы, естественно, подготовили снаряжение и на случай аварийной посадки. Спасательное снаряжение подобрано с учетом возможной посадки корабля в океане и в пустыне, на горных склонах и в тайге.

В «полете» каждый занимался своим делом. Действия летчика-космонавта в основном не отличались от действий его предшественников. А вот работа научного работника — инженера и врача — выполнялась в «космосе» впервые.

Инженер проводил исследования по заданной программе. Врач исследовал физиологические функции космонавтов, вопросы кровообращения, в частности кровообращения сосудов нижних конечностей. Для этого он на голени космонавтов накладывал специальные приборы, отмечающие увеличение или уменьшение объема ноги при длительной невесомости.

В распоряжении Егорова были различные таблицы для изучения работоспособности космонавтов в полете, аппарат для записи биотоков мозга, изучения координации движений... Он брал кровь для анализа и наносил ее на специальную пленку, где она засыхала.

— Можно ли считать, что полет космического корабля «Восход» приблизил путешествие людей на Луну?

— Луна, конечно, заманчивая цель, к тому же, по-видимому, наиболее достижимая для землян в ближайшее время. Но и этот космический рейс ставит перед учеными, в том числе и врачами и биологами, много задач, которые еще далеки от разрешения.

Думается, что покорение Луны будет происходить по этапам. Сначала на Луну зашлют автоматическую научную станцию. Она сообщит нам о температуре поверхности планеты, о составе ее почвы и другие сведения. Затем на Луну опустится биологическая станция с животными и микроорганизмами, многие из которых чрезвычайно устойчивы к воздействию радиации.

Все это я рассказываю очень схематично и с оговорками. Ведь исследования космоса — это путешествие во многом в неизведанную область, полную неожиданных открытий и неразрешенных вопросов. Полет отважного экипажа поможет разрешить некоторые из этих вопросов. Результатов этого полета с нетерпением ждут конструкторы космических кораблей, врачи, биологи.

МИЧЕСКИМИ ПОЛЕТАМИ

входят упражнения на растяжение мышц, тренировка вестибулярного аппарата в сочетании с развитием навыков равновесия, ходьба, небольшие пробежки в медленном темпе. Затем в занятия включаются различные спортивные игры, бег на дальние дистанции. На втором этапе космонавты самостоятельно выполняют индивидуальные упражнения: совершают заплывы в бассейне, прыгают с вышки в воду, занимаются подводным плаванием.

Большое внимание уделялось парашютной подготовке экипажа, и тут, как, впрочем, и в других специальных тренировках, ученому и врачу не делалось особых скидок. Летчик-космонавт Комаров совершил 77 прыжков, стал инструктором парашютной службы.

Комаров, Феоктистов и Егоров прошли цикл исследований в термокамере. При этом космонавты четко выполняли задания по программе, хорошо переносили высокие температуры. Много внимания уделялось подготовке экипажа к пребыванию в состоянии невесомости. Чтобы уменьшить ее воздействие, космонавты выполняли упражнения, укрепляющие вестибулярный аппарат, тренируясь на различных приборах. Очень действенными были тренировки в состоянии кратковременной невесомости при полетах на специальном самолете.

Комаров так рассказывал о своих ощущениях в первом полете:

— Первое впечатление — что-то приятное и легкое. Особого возбуждения от этого состояния не ощущал. Пространственная ориентировка затруднялась при выполнении летчиком горки с креном. Мне казалось, что мы летим вертикально вверх.

Тренировки экипажа космического корабля завершила имитация суточного орбитального полета — от взлета до возвращения на родную планету.

Врач рассказывает, что в кабине космонавтов создана зона комфорта, как говорят гигиенисты. Это значит, что условия жизни здесь сходны с земными: нормальное барометрическое давление, обычная влажность воздуха, привычная температура.

Вот место летчика-космонавта. Перед ним рычаги управления, пилотажные и аэронавигационные приборы, различные сигнализаторы. Затем — место инженера. В специальных гнездах размещены научные приборы и аппараты. Возле кресла врача — медицинское оборудование. Вообще корабль буквально начинен приборами, аппаратами, какими-то сложными устройствами.

А. ГОЛИКОВ,
И. КАСЬЯН

ПРИВЕТ и БРАТСТВО

Эти пламенные слова Маркса звучали из космоса! Три советских богатыря взяли с собой в полет врученные им редакцией «Правды» священные реликвии: портреты основоположников научного коммунизма Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина, а также алый бант со знамени Парижской коммуны, вынесенного из последнего боя. «Восход», штурмуя космос,— писали космонавты читателям «Правды»,— пронесет вокруг земного шара животворные идеи марксизма-ленинизма, идеи братства, дружбы и мира между народами». И они с честью пронесли эти идеи.

У каждой из драгоценных реликвий, которые находились на борту «Восхода», своя интересная история.

В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма бережно хранятся три фотографии Карла Маркса. Они одинаковые и в то же время разные... Публикуемый снимок Карла Маркса, о котором теперь узнало все человечество, принадлежал Владимиру Ильичу Ленину. После его смерти Надежда Константиновна Крупская передала фотографию в Институт Ленина.

В сибирской ссылке Владимир Ильич имел альбом, в котором вместе с фотографиями родных, друзей, любимых писателей бережно хранились и фотопортреты основоположников научного коммунизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Причем, как это видно из воспоминаний Надежды Константиновны Крупской, на фотографиях особенно дорогих и любимых людей Владимир Ильич писал даты их жизни. Даты, написанные рукой В. И. Ленина, имеются и на обороте этой фотографии Карла Маркса.

Фотография примечательна еще и тем, что в нее вмонтирована надпись на французском языке: «Привет и братство. Карл Маркс. Лондон. 27 июня 1880 г.» В тот день Маркс действительно дарил кому-то свой портрет, снятый в 70-х годах. Но сама фотография, принадлежавшая Владимиру Ильичу, с этим вмонтированным автографом сделана позже — между 1880 и 1889 годами.

Дело в том, что в Центральном партийном архиве имеется точно такая же фотография Карла Маркса с тем же, но подлинным его автографом, написанным на обратной стороне снимка. Кому подарил Маркс свой портрет, до сих пор остается загадкой. Не исключена возможность, что это был кто-то из русских революционеров; поэтому подлинная фотография оказалась в России, а уже в советские годы кто-то передал ее в архив.

В Россию фото попало не сразу. С него была, оказывается, сделана репродукция. При этом автограф К. Маркса перенесли на ее лицевую часть. И в таком виде снимок был размножен.

В 1935 году 73-летняя А. А. Левандовская передала архиву такую же фотографию Маркса, какая была и у В. И. Ленина. Она рассказывала, что этот портрет с символическим пламенным девизом «Привет и братство» распространялся в 1889 году среди участников первого, Парижского, конгресса II Интернационала.

Когда попало это историческое фото к Владимиру Ильичу, неизвестно. Но, видимо, оно проделало немалый путь. С большой любовью В. И. Ленин хранил дорогой образ Карла Маркса даже в суровой сибирской ссылке...

Что касается портрета Владимира Ильича Ленина, который взяли с собой космонавты, то он всемирно известен. Судя по номеру «Правды», которую читает В. И. Ленин, снимок сделан 16 октября 1918 года, в канун первой годовщины Советской власти. Владимир Ильич сфотографирован в своем кабинете в Кремле известным фотомастером П. А. Оцупом.

ДВАДЦАТЬ АЛЫХ

20 октября исполнилась двадцатая годовщина со дня освобождения частями Советской Армии и соединениями Народно-освободительной армии Югославии столицы этой героической страны — Белграда.

О незабываемых днях боевого содружества, обеспечившего победу, рассказывают два участника сражения за Белград: гость журнала «Огонек», бывший партизан, награжденный орденом «За храбрость», заместитель главного редактора журнала «Свет» Владета Васович и член подпольной группы «Союза советских патриотов», действовавшей в Югославии, Ю. П. Лобачев. Рассказ проиллюстрирован рисунками Ю. П. Лобачева, сделанными во время боев за Белград.

Владета Васович.

Рассказывает Владета ВАСОВИЧ:

В эти октябрьские дни девушки, рожденные в первый День свободы Белграда, получили яркие букеты гвоздик. В каждом букете по двадцать благоухающих красных цветков. Первыми по традиции поздравляли девушек юноши, которые также родились 20 октября 1944 года.

Они начали свою жизнь вместе с новой историей своего любимого города, в первый День свободы, которая выросла после дождя из пуль и осколков, на руинах и пожарищах, под гром победной канонады.

Мальчики и девочки, рожденные в горящем, израненном городе, выросли и стали счастливыми. За двадцать лет Югославия стала совсем другой. Столицу Социалистической Федеративной Республики украшают красивые здания школ, гостиниц, заводов.

Все это стало возможным потому, что тогда, двадцать лет назад, была одержана победа в борьбе за свободу.

...Память возвращает меня к тем тяжелым, но славным боевым дням. И мне вновь хочется отдать должную дань благодарности борцам и героям, которые своей жизнью заплатили за нашу свободу, за наше счастье.

...Солнечная осень. Колонны Народно-освободительной армии Югославии и Советской Армии продвигаются к Белграду, готовятся к решительному бою за нашу столицу.

Незабываемы наши первые встречи с советскими солдатами. Беседы. Рукопожатия. Обмен подарками. Скромными, солдатскими...

Я до сих пор храню ручные часы марки «Москва». Это для меня дорогой сувенир военных лет. Я хорошо, до малейших подробностей помню, как его получил.

В деревне, что в 80 километрах восточнее Белграда, остановилась колонна 21-й Сербской дивизии. Вскоре послышался могучий гул и на дороге появились танки «Т-34». Это были войска 3-го Украинского фронта, наступавшие под командованием маршала Толбухина. Радость наша была неописуема. Мы подбежали к танковой колонне.

— Партизаны? — спросил офицер из первого танка «Т-34».

— Партизаны!

— Здравствуйте, товарищи!

Танкисты выпрыгнули из своих машин. Мы обнялись, расцеловались.

— Все будет хорошо,— говорили советские солдаты.— Завтра мы будем в Белграде...

Я легко разговорился со своим сверстником — старшим сержантом Иваном, хотя он говорил по-русски, а я по-сербски. Я угостил Ивана виноградом. А он тут же снял с руки и подарил мне ручные часы. Потом на обратной стороне я прочитал: «Ваня, 12 июля, 1942 г.».

В течение десятидневной битвы за освобождение Белграда мы боролись плечом к плечу с советскими воинами, но старшего сержанта Ивана я больше не встречал. Может быть, он погиб, а может быть, завершил со славой свой боевой путь и жив поныне...

Битва за Белград продолжалась больше десяти дней. Сам город был освобожден 20 октября в 8 часов утра. Но ожесточенные бои еще продолжались на окраинах...

В первый день свободы Белграда народ устроил радостную демонстрацию. На площади перед тысячами белградцев выступали югославский генерал Пеко Дапчевич и советский генерал Владимир Жданов — Народный герой Югославии.

Огромную радость омрачали могилы павших героев. Весь народ приносил цветы к этим свежим холмикам земли...

И сегодня, спустя двадцать лет, народ все так же приходит к этим священным могилам с цветами. И трогательно видеть, как маленькие ручки детей бережно кладут красные розы и голубые незабудки на могилы Йована и Ивана, Мичуна и Алеши, Любиша и Степана... Воинов из Македонии и Сибири, из Сербии и с Украины, из Боснии и с Кавказа...

Вечная им слава!

Волнующая история и у третьей реликвии — банта с красного знамени Парижской коммуны.

Всю первую страницу 30-го номера журнала «Огонек» за 1924 год занимает большая фотография трибуны, с которой выступает «всесоюзный староста», председатель ЦИК СССР М. И. Калинин. Рядом с ним стоит генеральный секретарь Сенской федерации Французской компартии А. Кост с красным знаменем Парижской коммуны, на котором заметен и бант.

Какое же событие запечатлено на фотографии?

...Ранним воскресным утром 6 июля 1924 года почти все вагоны московского трамвая были поставлены на линию, ведущую к Октябрьскому полю Москвы. Сюда, на печально известную бывшую Ходынку, направлялись тысячи рабочих и работниц столицы, чтобы принять участие в празднествах, посвященных Конституции СССР.

Вот показалась французская делегация, несущая знамя парижских коммунаров. Это славное знамя развевалось над одной из последних баррикад Парижа.

А. Кост приветствует русский революционный пролетариат, который поднял выпавшее из рук парижских коммунаров красное знамя и водрузил его, «непобедимое и несклоняющееся, над стенами Кремля». Он торжественно оглашает грамоту Сенской федерации о передаче знамени 1871 года на хранение пролетариату Москвы.

И как символ братства и подлинного интернационализма французским коммунистам, пролетариату Парижа передается в ответ знамя Красной Пресни.

Принимая знамя Парижской коммуны, советские коммунисты поклялись: «Мы поднимем это знамя на такую высоту, чтобы оно было видно угнетенным во всех уголках земного шара». И эта клятва выполнена: знамя коммунаров поднято ныне на такую высоту, с которой оно видно всему миру! Его частица — алый бант — летала в космос!

Ныне знамя Парижской коммуны находится в музее В. И. Ленина, а бант с исторического знамени до последних дней, до полета в космос, был выставлен в музее Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Там же на одном из стендов посетители могут увидеть копию фотографии Карла Маркса, принадлежавшей В. И. Ленину...

Участники празднества на Октябрьском поле 6 июля 1924 года писали в приветствии Французской коммунистической партии: «За свержение капиталистического строя, за установление диктатуры пролетариата — вот за что дрались, как львы, «штурмуя небо», рабочие массы Парижа в 1871 году...

Миллионы рабочих и крестьян нашего Союза, занятые коммунистическим строительством, поднимающие наше советское хозяйство и культурный уровень трудящихся масс,... являются истинными последователями Парижской коммуны и творят лучший памятник ее борцам».

Знамя Парижской коммуны было передано на хранение московскому пролетариату в канун 60-летия I Интернационала. Недавно советские люди, все мировое коммунистическое движение торжественно отметили столетие I Интернационала. Начало второго века существования всемирной армии коммунистов ознаменовано новым великим подвигом советских людей. Вот почему особенно большой смысл приобрели сейчас драгоценные реликвии космонавтов, о которых говорит теперь весь мир.

Г. ГРЕБЕННИКОВ

Три подвига из были золотой

Василий ЖУРАВЛЕВ

Колышется равнина голубая...
В желанный этот, в несказанный год
опять мою планету огибает,
опять советский, но уже «Восход».
И мы опять, как и во дни другие,
волнуемся в кругу других миров:
— Как дышится вам,
братья дорогие,
Егоров,
Феоктистов,
Комаров?!
Мы слушаем, не уставая слушать,
все вместе
все известия о вас.
И гордость наполняет наши души
в желанный этот, в долгожданный час.

* * *

Прослушивая экстренные сводки,
из звезд сплетаем мужеству венок.
Друзья мои,
ровесники,
погодки,
читатели журнала «Огонек»!
Какое во вселенную вторженье!
Какую разум постигает высь!
Вам хочется, хотя б в воображеньи,
наверно, на «Восход» перенестись,
чтобы почувствовать Земли порфиру
и чтобы лично увидать в наш век,
как Космос, словно новую квартиру,
советский обживает человек.
Познаньями вооружая разум,
открытья в новый вписывая ряд,
мир потрясая, над Землею сразу
спокойно три товарища летят;
три новых Солнца
из огня и света,
три Подвига
из были золотой,
три Гражданина
из Страны Советов,
рожденной
светлой
ленинской
мечтой.

Г В О З Д И К

Рассказывает Юрий ЛОБАЧЕВ:

...Всю ночь проходили, спешно отступая к центру Белграда, колонны фашистов, четники предателя Дражи Михайловича. Наступила странная, непривычная тишина...

Но вот наверху крутой улицы, прижимаясь к теневой стороне, мелькнул силуэт, за ним — второй, третий... Серые, просоленные потом гимнастерки, длиннополые шинели. На пилотках пятиконечные алые звезды.

— Товарищи! — Из подвала разрушенного двухэтажного дома выскакивает человек, бросается навстречу бойцам. Югослав крепко обнимает совсем юного лейтенанта.

— За этим поворотом, на другой стороне бульвара — дот. Фашисты еще там. Идемте, покажу. Можно пройти дворами и развалинами и дойти вон до того серого дома...

— Понятно, ведите.

От оконного проема полуподвала до входа в дот — метров десять. Первая граната вышибла дверь. Вторая, третья...

Из подвалов, развалин домов окрестных улиц появляются люди; в руках у них цветы, бутылки вина. Людей становится все больше. Они обнимают бойцов, зовут в гости, забыв о том, что освобождение города только началось...

Часто на дальнем конце улицы еще велись бои, а на ближнем, уже освобожденном, окна с выбитыми стеклами украшались коврами и заранее сделанными красными знаменами.

* * *

Штаб генерал-лейтенанта танковых войск Владимира Ивановича Жданова разместился в одном из зданий бывшего мединститута. Во дворе бронетранспортеры, грузовики. Телефонисты носятся со своими катушками, проводами. Подъезжают и отъезжают на мотоциклах связные. Тут же во дворе группа только что приведенных пленных гитлеровских офицеров.

Низкий сводчатый зал освещается светильниками. Их на скорую руку смастерили из гильз снарядов. В углу зуммерят полевые телефоны.

В зал входят югославы: генерал-лейтенант Пеко Дапчевич, командир Первой пролетарской дивизии, Миялко Тодорович-Плави, комиссар дивизии, еще несколько человек. В. И. Жданов выходит им навстречу.

* * *

Полукруглый фасад банка доминирует над площадью, закрывает с востока выход к Теразие. На крыше банка мощная огневая точка, и гитлеровцы держат под обстрелом одну из главных магистралей города — Александровскую улицу. Достаточно высунуться из прикрытия, как сверху обрушивается ураганный свинцовый дождь. Можно было бы заглушить его огнем танковых орудий. Но наши берегут город, пускают в ход артиллерию лишь в самом крайнем случае...

«ИЛ-2» разворачивается, делает круг. Вокруг него белые хлопья разрывов снарядов, снопы трассирующих пуль зенитных пулеметов. Самолет делает еще один круг и ныряет в пике. Над самой крышей банка от него отделяется маленькая точка... Взрыв, один-единственный взрыв, видимо, совсем небольшой бомбы, но сброшена она была со снайперской артистической точностью: фасад здания даже не пострадал.

Громовое «ура» покрывает гул взмывающего вверх самолета.

Путь открыт.

* * *

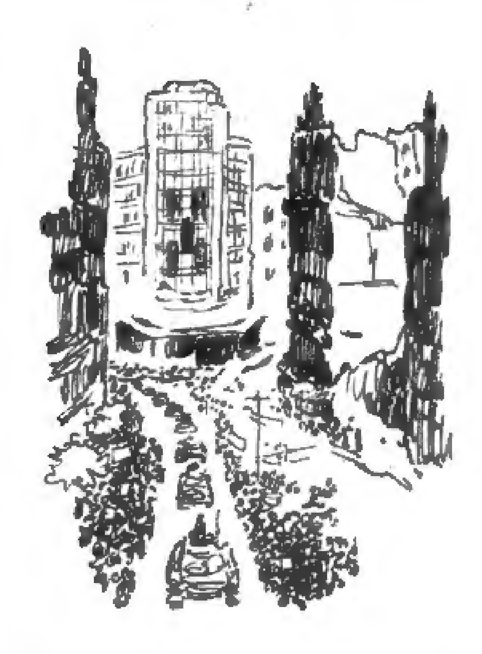
Утро 20 октября. С верхней террасы Калемегдана, древней крепости, что возвышается на обрывистом берегу у слияния двух рек, видно, как наши танки, наступая на пятки оккупантам, врываются на мост через Саву. Гитлеровцы не смогли взорвать его. Спас мост пожилой учитель: он скрывался в развалинах портовых зданий и в последний момент перерезал бикфордов шнур.

Солнце все выше поднимается в голубом безоблачном небе. На улицах, площадях тысячи и тысячи людей.

Белград освобожден!

Фашистский дот у серого дома.

Площадь Теразие 20 октября 1944 года.

Заслушались школьники из гуцульского села Маняве. До чего же интересно рассказывает о карпатском рейде Герой Советского Союза Семен Павлович Тутученко!

Фото Я. Давидзона.

СПАСИБО ВАМ, БРАТЬЯ!

Герой Советского Союза С. П. ТУТУЧЕНКО

Мы сидим на днепровской круче, вблизи холмов, которые в начале века будущий академик Евгений Патон, тогда еще студент, соединил своим дипломным мостиком. Мой собеседник, С. П. Тутученко, тоже строитель-архитектор.

— До чего же это приятно — строить, создавать,— говорит Семен Павлович.— А было время, когда приходилось разрушать. И это тоже был труд — тяжелый, опасный, но необходимый...

Есть что вспомнить бывшему ковпаковскому партизану, архитектору Тутученко: древний Путивль, дремучие брянские леса, героические рейды народных мстителей по тылам противника. И среди этих рейдов один из самых блистательных — рейд в Карпаты...

Недавно группа участников Карпатского рейда посетила места былых боев с фашистскими захватчиками. Об этой встрече бывших партизан рассказал нам С. П. Тутученко.

— Далеко видно отсюда, с Зеленой Верховины, далеко на все четыре стороны... Знакомые села Паляница, Микуличи, Кременцы... Это здесь путивльские и глуховские, шалыгинские и кролевецкие партизаны громили оккупантов.

Я стоял рядом с Сидором Артемьевичем Ковпаком, командиром нашего партизанского соединения. Он теребил пальцами бородку, погруженный в свои мысли. «Как жаль, что Семена с нами нет!» Это он о Семене Васильевиче Рудневе, комиссаре соединения, погибшем в карпатских боях. Семена нет более. Но с нами его брат Константин, бывший разведчик... Рядом стоят и всматриваются в знакомые горы и ущелья, леса и долины, побратимы-ковпаковцы — Гриша Дорофеев, Платон Воронько, Давид Бакрадзе... У многих поседели головы, но в глазах прежний партизанский огонь. Учащенно бьются наши сердца при встрече со знакомыми людьми — верными помощниками партизан.

Село Росильно. Здесь наголову разбит батальон 4-го полка СС... Незадолго до этого соединение с ходу сбило гитлеровский гарнизон в Большевцах, уничтожило охрану моста в селе Стары, форсировало Днестр. И опять фашисты — теперь уж в Росильне — преградили путь крупными силами. И опять хлопцы из шалыгинского отряда во главе с Федотом Матющенко показали, как надо выполнять боевые задания. В самую тяжелую минуту боя три роты под командованием Давида Бакрадзе зашли с фланга, захватили вражескую батарею, повернули орудия и ударили залпами. Главные силы соединения в это время уже рвались к Солотвину, к Маняве, в горы...

Все это было. А сегодня нам навстречу бегут школьники. Вышло все село. Вот школа, в которой был вражеский штаб. В памятную ночь, когда мы ворвались в село, этот штаб приказал долго жить вместе со всей эсэсовской частью.

Директор школы Микола Прокопюк вместе со своими воспитанниками пишет историю села, в которой достойное место отведено партизанам.

Вот еще одно памятное место — гора, на которой сегодня нас радушно встречают селяне из Манявы. На этой горе нам пришлось хлебнуть горя. Умирая от голода и от жажды, лежали мы под бомбежкой, окруженные со всех сторон. Но гуцулы из Манявы, рискуя жизнью, доставили нам на гору хлеб, молоко, воду.

И сегодня по старой традиции встречает нас на горе еда: крынки холодного молока и корзины ядреных краснобоких яблок.

Мы останавливаемся у всем нам памятного холмика. Здесь, в каменистой карпатской земле, покоится наша Маруся. Маруся Евенко из второй роты. Это она, Маруся, из винтовки сбила «мессера». В день ее гибели вон в той деревянной хате родилась девочка. И ее назвали Марусей — в честь партизанки. Маруся Деревянко знает это, любовно ухаживает за могилой своей тезки. На дорогом для нас холмике всегда цветут цветы...

В школе висит портрет Маруси-партизанки, рядом — заметка о ее подвиге, вырезанная из газеты. Любой ученик знает подробности героической Марусиной жизни.

Сейчас, вспоминая дорогих наших боевых товарищей, мы понимаем: без помощи жителей оккупированных сел, городов и местечек, без всего того, что сделали они для общего дела победы, мы, партизаны, не сумели бы выполнить своих задач.

И нынче, в двадцатилетнюю годовщину полного освобождения Украины от фашистских захватчиков, хочется сказать им: «Спасибо, дорогие братья, спасибо вам, наши боевые соратники!»

Недавно в Москве как-то тихо и неприметно прошла выставка картин отличного русского художника Ивана Силыча Горюшкина-Сорокопудова. И картин было выставлено маловато (а творческое наследство этого мастера значительно), и народу на выставке было не так уж много.

А жаль.

Ученик великого Репина, Горюшкин-Сорокопудов заслужил большего внимания еще и потому, что, будучи популярным среди старшего поколения, он для нашей молодежи представляет собой творческую фигуру, почти неизвестную.

Жизнь его была сиротская, трудная, и природную фамилию — Горюшкин — он своим детством и ранней юностью оправдал вполне. Как говорится, помогли «добрые люди» — саратовский купец Сорокопудов, взявший на воспитание нищего мальчишку, астраханский художник Власов, давший ему зачатки живописной грамоты и прививший любовь к кисти и палитре, петербургский военный инженер Петров, оказавший на первых порах творческой жизни художника большую моральную и материальную поддержку. Родом из села Наши, Тамбовской губернии, Иван Силыч долго прожил на Волге, а окончив Академию художеств в Петербурге, в столице не застрял — перебрался в 1908 году в Пензу, «мордовские Афины», как некогда именовали этот город, стал преподавателем Пензенского художественного училища, где и трудился сорок пять лет — до глубокой старости. В селе Ивановка, недалеко от Пензы, он и умер в 1954 году, 81 года от роду.

Илья Репин назвал Горюшкина-Сорокопудова деятельным художником, проникновенным, искренним, с глубоким чувством к родной красоте. Сказано по-репински — тепло и точно!

Все русское с его неброской, но волнующей прелестью пленяло Ивана Силыча. Когда смотришь его картины, посвященные историческим темам, встает перед глазами Древняя Русь, старина, давно ушедшая в прошлое, но близкая и дорогая сердцу. Нет никакой помпезности в этих работах, ничего броского, но в памяти невольно возникают вдохновенные строки А. Блока:

О, Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!

Широкую известность принесла Горюшкину-Сорокопудову картина «Плач Ярославны», написанная в 1907 году. С высоких деревянных стен Путивля открывается неоглядная ширь. Мрачные тучи клубятся на востоке, и только узкая полоска зари блистает светом надежды — серый, ветреный день встает над Путивлем. Ярославна ждет своего мужа, ушедшего в опасный поход, в половецкие степи. Вся она ожидание и тревога, надежда и смятение. Вряд ли можно назвать другую картину, которая бы так ярко иллюстрировала великое произведение Древней Руси «Слово о полку Игореве».

Хочется долго всматриваться в «Сцену из XVII столетия» — холст яркий, с сочными красками морозного зимнего дня: синеватым снегом, рыжей, еще не опавшей листвой. Время тревожное, нелегкое — «Хованщина» на Руси, распри, раскол. Звонят к вечерне с приземистой колокольни старой церковки — прохожие стараются угадать, кто идет, куда завернет, каким себя осенит крестом — благочестивым двуперстием или никонианской «щепотью».

«На Москве-реке. XVII век» — переправа сквозь ледоход. Боярский возок уже на том берегу — в Замоскворечье. Куда едет боярин, за какой честью, славой? А может, в опалу? В края дальние, в глухое воеводство, куда-нибудь в Пустозерск? Провожают его или встречают покорно склонившиеся родня и челядь?

Русь глядит на нас с картин Горюшкина-Сорокопудова — и на душе становится щемяще-тревожно, как при встрече с чем-то давно знаемым и вместе с тем несказанно далеким от наших дней.

А рядом — спокойный зимний пейзаж: у края замерзшего пруда ветлы, опушенные инеем, деревушка, взобравшаяся на горку; тишина, оттепель, прошлогодняя трава проступает сквозь снежный покров... И снова приходит на память Блок и его нежные, грустные строки:

...Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,—
Как слезы первые любви!

Но Горюшкин-Сорокопудов не был только лириком-созерцателем, углубленным в историческое прошлое, в пейзажи. Известна его графическая работа «Баррикада. 1905 г.», посвященная революции 1905 года. В 20-х и 30-х годах он работает над циклом картин, посвященных Ленину — «Ленин революции», «Ленин на трибуне», «Похороны Ленина». Хотя они и остались незавершенными, в них ощущается огромная душевная взволнованность художника, его стремление выразить чувства народа, двинувшегося всей океанской громадой к берегам новой жизни.

Примечательна портретная живопись Ивана Силыча. Его «Портрет матери» полон тепла, света, нежных красок. Жизнь прожита, но она принесла покой, мудрость. Мелкая суета не беспокоит эту пожилую женщину, русскую во всем своем облике: она многое видела и все знает. У Горюшкина-Сорокопудова немало портретов современников. Каждая из его работ раскрывает внутренний мир человека, его характер. Это не фотографии, сделанные кистью, а размышления о жизни.

Во всех своих картинах художник сливает в одну звучную гамму природу и человека. В этом отношении примечательна картина «Девочка с яблоками». Простая деревенская девчонка — курносая, белозубая, с лукавинкой в глазах. Солнечные лучи пробиваются сквозь зелень яблоневых ветвей, увешанных плодами, и все вокруг наполнено радостью бытия.

Многообразно творчество Горюшкина-Сорокопудова. Но если подытожить его, то оно целиком окажется объединенным глубоким чувством любви к родине, к ее людям, к ее истории — всему, что именуется Россией, русской землей. Это и делает творчество Ивана Силыча Горюшкина-Сорокопудова близким и дорогим для нас.

Ник. КРУЖКОВ

И. Горюшкин-Сорокопудов. 1873—1954. ПОРТРЕТ МАТЕРИ. ▶

И. Горюшкин-Сорокопудов. СЦЕНА ИЗ XVII СТОЛЕТИЯ

НА МОСКВЕ-РЕКЕ

Рустем КУТУЙ

МАЛЯРЫ

У КАЗАНСКОГО КРЕМЛЯ

Не жалейте мелу, маляры!
Кисти добрые настройте, музыканты-маляры!
Чтобы в камне закачались и застыли облака,
мел берите самый чистый — побелее молока,
чтоб казалось, опустилась стая ясных лебедей
и гнездо кладет большое возле солнечных людей.
Вам бы до́лжно побрататься, пообняться с красотой —
вон играет в синем танце белый голубь с высотой,
опадает, чистокрылый, и взмывает — перья алёт,
и крыло его косое узким парусом поет.
Вот и вам бы постараться, руки пели бы, ловки,
пальцы в струны бы вплетались, не сжимались в кулаки.
Запоет стена, как арфа. Белый звон стечет с горы.
Сотворите в полдень чудо, музыканты-маляры!
Чтобы кремль светло стоял бы, как слеза в глазах,
чтобы всякому приснилась белым сном Казань —
кто покинул, затоскует... Веселее, маляры!
Иль в руках у вас не кисти, а тяжёлы топоры?..
Подарите башне Тайницкой белой пены кружева,
чтоб стояла в ослепленьи, чуть от легкости жива.

...Пыль по листьям пролетает. Маляры макают кисти
в белый, звонкий, сочный мел.
Будет кремль, как сахар, чистый —
камень белое запел.

Казань.

Василий ЛЕДКОВ

ЯСАВЭЙ*

А тундре уж давно не спится,
Хотя вокруг
белым-бело.
И, словно на заре у птицы,
У песни дрогнуло крыло.

Свершилось чудо:
край мой ожил.
И вьюги замерли,
как.
Недаром,
отпуская вожжи,
Не солнце держит путь земля.

Ах, как дрожа
взметнулись тучи!
Ведь был рывок
не так уж плох,
Когда пронес прыжок могучий
Нас через несколько эпох.

Был путь нелегким и неровным.
Но мы горды судьбой своей:
Ведь партия
ведет народы,
Как зоркий, мудрый ясавэй.

И я охватываю взглядом
И даль во льдах
и луг в росе.
И звездный мир почти что рядом,
И я — со звездами
в родстве.

И мне в лицо —
просторный ветер.
Я весь — как парус на волне.
Эпохи те,
что мы отвергли,
Лежат на дне.
На самом дне.

Перевела с ненецкого
Майя Борисова.

* Ясавэй — дословно: проводник.

Виктор УРИН

НА ДАЛЬНИХ ПУТЯХ

Придорожный вечер к травянистой
челке
примерял луну — серебряную
брошь...
За полночь опять я был
в перекочевке —
это по-киргизски называлось
«кош».

Люди в шароварах из бараньей
кожи,
в лисьих малахаях чудо хороши.
Что же может быть ценнее
и дороже,
чем улыбки ваши ото всей души!

Ну, а сколько раз в дороге
непривычной
я изнемогал от жажды и жары.
Так что подарите горсть воды
арычной
где-нибудь в степи безлюдной
Кзыл-Джары.

А пастух Ахмет на пастбище
за Ошем?
Он учебник держит, сидя на коне.
Эту бы картину я назвал
«Заочник»,
вы ее на память подарите мне.

Подарите мне свой синий и
зеленый,
травами расшитый приалайский
луг
с юртой и антенной телевизионной,
на которой беркут объявился
вдруг.

Бронислав КЕЖУН

Улиана и Микита

«От Микити к Улиани:
пойди за мене»...
(Из берестяной грамоты).

Их любовь веками скрыта,
Их любовь — в веках жива!
Удалой жених Микита
Написал своей любви.

На берёсте утром рано
Он писал ей, как судьбе:
Мы стремимся,
Улиана,
Ты ко мне, а я к тебе!

Без тебя я, Улиана,
Не могу прожить и дня;
Улиана,
Улиана,
Выйди замуж за меня!..

Все естественно и просто!..
До чего же нам близка
Новгородская берёста,
Пережившая века!

Я читаю строки эти...
Подойди и ты, взгляни:
В непроглядной мгле столетий
Стали темными они.

Но берёста, нет, пожалуй,
Не от времени темна:
От любовного накала
Чуть не вспыхнула она!

И теперь тебе, любимой,
Слов сердечных чистый свет
О любви неугасимой
Говорит сквозь сотни лет:

Без тебя я, Улиана,
Не могу прожить и дня...
Улиана,
Улиана,
Выйди замуж за меня!

Ленинград.

Сайфи КУДАШ,
народный поэт Башкирской АССР

К семидесятилетию со дня рождения

Собеседнику

* * *

Если сам не возьмешься первым,
Не проложишь тропы к порогу,
Люди дом отыскать не смогут,
Не попросят: «Открой нам
двери» —
И к тебе не найдут дорогу.

ВЕТЕР

Как у пьяного, у ветра
Закружилась голова.
Он не ведает, наверно,
Где греметь ему сперва.

Смотришь, с юга ветер дует,
А пройдет какой-то час,
Он по-новому колдует
И швыряет север в нас.

Нам бюро вещает точно,
Что восточным будет он,
Так как где-то на востоке
Собирается муссон.

Он же с запада нагрянет
И засвищет, как в дуду,
И внезапно перестанет,
Как споткнется на ходу.

Если ты, как этот ветер,
Мчишь, не зная сам куда,
То, что ищешь ты на свете,
Не отыщешь никогда.

Перевел с башкирского
Александр Гвезер.

Первая научная экспедиция в космосе

Наш корреспондент Михаил Ростов в часы, когда экипаж «Восхода» начал работать в космосе, взял интервью у известного советского физиолога, действительного члена Академии медицинских наук А. В. ЛЕБЕДИНСКОГО.

Космическая экспедиция! Эти слова впервые перекочевали из книг фантастов в лексикон ученых. Впервые в космосе работал коллектив. Физико-технические и медико-биологические исследования вели на борту «Восхода» сами ученые, отличные специалисты своего дела. Выбор профессий вовсе не случаен. Летчик-космонавт Владимир Михайлович Комаров именно тот человек, спокойный, выдержанный, энергичный, знающий, который по праву, моральному и деловому, назначен командиром. Нет, пожалуй, ни одного научно-фантастического путешествия, которое обходилось бы без физика или техника. Кандидат технических наук Константин Петрович Феоктистов — первый ученый, наблюдавший Землю и космос из космоса. Трудно переоценить результаты его работы для астронавтики, для будущих длительных космических рейсов к далеким планетам. И, наконец, врач. В каждой экспедиции обязательно есть врач. В космосе он особенно нужен. Космической биологии было просто необходимо самой взлететь в космос. Борис Борисович Егоров — достойный представитель этой науки. Он смог достоверно оценить влияние полета на самого себя и на членов экипажа. Вы помните, наверное, что сказал Борис Егоров перед полетом: «Датчики не могут заменить врача». Существует целый ряд тонкостей, в которых в полете разберется только специалист. В первую очередь это касается функции вестибулярного аппарата в состоянии невесомости. Исключительно важно также знать, какие изменения происходят в системе кровообращения человека в период взлета, спуска и в состоянии невесомости. Необходим и контроль за работой органов чувств. Многое, очень многое важно в наблюдениях врача-физиолога в космическом полете. Всего сейчас и не перечислишь. Три человека в космическом корабле вели беспрецедентный в истории мировой науки эксперимент

«...Минимальное удаление от поверхности земли (в перигее) и максимальное (в апогее) равно соответственно 178 и 409 километрам...» — передало ТАСС. Это километры, где условия среды абсолютно несовместимы с жизнью. И именно там в полном здравии работали три советских специалиста. «Восход» летел в разреженном пространстве — практически в вакууме. Его окружала абсолютная тишина. В иллюминаторе на фоне совершенно черного неба ярко блестали звезды и иногда заглядывал ослепительный диск солнца. Исчезли привычные для нас смены дня и ночи. Космонавты находились в состоянии невесомости, жили в ограниченном, замкнутом пространстве и работали. Напряженно работали.

В эти часы шла генеральная проверка основных законов биологии.

Техника, используя данные медицины и физиологии о том, что нужно для жизнедеятельности организма, полностью удовлетворила наши требования. Советские инженеры вслед за замечательными кораблями «Восток» создали многоместный и совершенный космический корабль «Восход». Его герметическая кабина надежно защитила космонавтов от крайне низкого барометрического давления, ионизирующего, ультрафиолетового и видимого излучения солнца, от маловероятной, но возможной все же метеорной опасности.

А что было в это время внутри корабля? «Условия в кабине нормальные: давление 1,1 атмосферы, температура 18 градусов Цельсия, относительная влажность 58 процентов»,— рапортовал командир корабля В. М. Комаров. Для того, чтобы создать и поддерживать такие нормальные, такие обычные и прозаические для нас условия, понадобились многие годы работы ученых, инженеров и физиологов.

Несколько барьеров стоит на пути человека в космос. Некоторые из них частично можно преодолеть на Земле. Первый барьер — перегрузки. Физиологи экспериментально установили: большие перегрузки легче переносит человек, если они действуют только в одном направлении. Вот почему космонавт в кабине полулежит. Одним словом, учтено все, и перегрузка перестает быть страшным врагом организма.

Второй барьер — радиация. С ней тоже воюют на Земле. Молодая наука радиобиология назвала допустимую, безвредную дозу радиоактивного облучения организма человека. Астрономы и астрофизики, зная эту дозу, рассчитывают такую трассу полета, чтобы обойти радиационные пояса Земли. Ученые прогнозируют солнечные вспышки. Надо выбрать такой момент для старта корабля, чтобы в результате вспышки солнечной активности ни в коем случае не была превышена допустимая доза радиации.

Еще один решающий фактор, который учитывает космическая биология,— состояние невесомости. Этот барьер на Земле преодолеть нельзя. Для эксперимента с невесомостью физиологу не обойтись без космического полета. На самолетах удалось продлить невесомость до 50 секунд. Прославленный летчик-испытатель Г. Мосолов поставил рекорд: 90 секунд. В. М. Комаров, К. П. Феоктистов и Б. Б. Егоров находились в состоянии невесомости около суток. Какие физиологические изменения происходили у них? Что такое невесомость, с точки зрения биолога?

Весь опыт эволюционной биологии говорит, что сила тяжести — важнейший фактор эволюции живых организмов. В глубинах вод, океанов и морей, где зародились первые белковые комочки, сила тяжести была минимальна. Хрупкие и нежные организмы, взвешенные в воде, были надежно защищены от повреждающего действия механических сил, от всеуничтожающего земного тяготения. Понадобились миллионы лет, чтобы некоторые виды животных вышли из воды и начали жить на суше, чтобы они привыкли к влиянию силы тяжести, приспособились к своему весу. Потребовались тысячелетия, чтобы наши предки — человекообразные обезьяны — могли встать на ноги. Факты анатомов и физиологов показывают, что для борьбы с земным тяготением понадобились изменения строения костей и мышц четвероногих. Когда первобытный человек поднялся на ноги и у него оказались свободными руки для труда, это был одновременно момент великой победы над силами земного притяжения. Один из основных законов биологии гласит: онтогенез повторяет филогенез, то есть развитие организма от эмбриона до старости повторяет эволюцию живых организмов. Как это ни удивительно, но млекопитающее, животное и человек, в определенный период жизни как будто находится в состоянии невесомости. В действительности же во время внутриутробного развития, когда плод плавает в жидкости, плотность которой почти равна плотности тела, он полностью подчиняется действию силы тяжести, хотя она и распределяется совершенно равномерно. Новорожденное животное и ребенок не в состоянии преодолеть земное тяготение, и только в возрасте двух-трех месяцев мы можем удерживать голову, она перестает беспомощно падать на руки матери. Это еще одна победа маленького человека над силами тяготения. Вскоре, в 6—7 месяцев, мы стали сидеть, а в возрасте около года научились стоять и ходить. Миллионолетняя эволюция пройдена за год. Человек научился управлять своим телом, принимать ту или иную позу, соизмеряя ее с постоянным влиянием силы тяготения. Но годы летят, приходит старость, слабеют мышцы, координация движений становится все менее и менее точной, и старый человек начинает снова ощущать тяжесть собственного тела, она мешает ему. У нетренированного человека в состоянии невесомости теряется способность ориентироваться в пространстве, нарушается координация движений.

Механизмы этих физиологических процессов волнуют не только космическую биологию. Это актуальные вопросы современной нейрофизиологии. Точная ориентировка в пространстве обеспечивается согласованной деятельностью зрения и слуха, информацией, поступающей от чувствительных нервных окончаний мышц, сухожилий, кожи. Но главенствует среди них всех вестибулярный аппарат.

Когда мы стоим, мощный поток импульсов от мышц идет в мозг. Мозг полностью информирован о том, в каком положении находятся наши органы. Когда мы лежим, совсем другие мышцы посылают в мозг информацию: «Тело находится в горизонтальном положении». Когда мы плаваем, нагрузка на наше тело распределяется равномерно. Человек в воде

Космонавт В. М. Комаров во время медицинского исследования.

в некотором отношении приближается к состоянию невесомости. Однако есть большое «но». Продолжает активно работать вестибулярный аппарат.

Говорят, что в древности был весьма своеобразный способ устроить себе мягкое ложе. Для этого человек ложился в глину, которая затем застывала и принимала все очертания человеческого тела. Это глиняное ложе было мягче любой перины, ибо тяжесть земного притяжения воспринимала почти вся поверхность человеческого тела. Но вестибулярный аппарат, как бы мягко и удобно нам ни было, продолжает работать. Этот удивительный аппарат, так сказать, «весы человеческого организма», расположен во внутреннем ухе. В нем действует отолитовый прибор, тонко реагирующий на изменения гравитации. Принцип его работы удивительно прост: дно небольшой замкнутой полости покрыто нервными клетками, снабженными чувствительнейшими волосками, на которых лежат в студенистой жидкости отолиты — небольшие кристаллики солей кальция. Перемещение головы приводит к смещению этих кристалликов. Мгновенно изменяется давление на волоски. В нервных клетках возникают импульсы, которые «мчатся» к центрам мозжечка и головного мозга, управляющим позой, контролирующим целесообразность нашего движения. Теперь понятно, что только в космическом полете, когда эти кристаллики взвешены и не оказывают давления на волоски нервных клеток, прекращает свою работу вестибулярный аппарат. Итак, в невесомости исчезло чувство земли, чувство тяжести, к которому за миллионы лет приспособился организм человека, и теперь ему очень трудно перестроиться, начать жить без этого чувства.

В тесной кабине космического корабля ограничено движение. Без движения человек тоже жить не может. Шалости ребенка и спортивные упражнения — это не прихоть, это физиологическая потребность организма. Организм привык к движению, он не может без него обходиться. Великий Павлов отводил движениям важнейшую роль в нормальной жизнедеятельности организма, в работе органов чувств, в правильном восприятии мира. Космической биологии предстоит разрешить вопросы, связанные с жизнью космонавта в условиях длительного полета, когда движения ограничены и когда состояние невесомости длится очень долго.

Серьезным врагом космонавта является укачивание. Оно создается в результате вращения корабля вокруг своей оси. Резкие движения головой или телом усиливают укачивание в космическом корабле — «морскую болезнь», как мы ее называем в обыденной жизни. Это наблюдал еще Герман Титов в своем полете.

Наиболее радикальным средством защиты космонавтов от невесомости будет создание искусственной гравитации в полете за счет центробежной силы. Эта идея была впервые выдвинута Циолковским. Все исследователи сходятся сейчас на том, что если создавать искусственную гравитацию, то нужно, чтобы она была в несколько раз меньше земной. Во сколько раз, это могут показать только опыты.

На основании опыта полетов наших космонавтов мы можем утверждать, что жизнь в условиях невесомости возможна. Человеческий организм может быть адаптирован к невесомости. Она не препятствие для дальнейших космических полетов.

Полет трех советских космонавтов — новый, исключительно важный шаг в планомерном освоении космоса советской наукой. Теперь на очереди дальние космические полеты. И в связи с этим встают новые проблемы, новые трудности. Проблема одиночества сейчас разрешена. Длительный полет совершат три или более человек в космическом корабле. Но возникают новые проблемы — проблема совместимости, проблема взаимоотношения человека с замкнутой средой, с кабиной корабля, в которой он будет очень долго находиться.

Дальние космические рейсы потребуют совершенно новой организации «космического быта». Совсем недавно в Варшаве состоялся XV Международный астронавтический конгресс. На нем я докладывал об уникальных экспериментах в этой области. Были осуществлены камерные испытания длительностью от 10 до 120 суток. Обычно мы привыкли говорить о влиянии среды на живые организмы. В герметическом помещении начинает отчетливо выступать обратная зависимость — изменения среды от процессов жизнедеятельности организма. В чем она проявилась в этих опытах? Прежде всего изменилась микрофлора среды, в которой находились участники опытов. Значительно возросло количество микробов в единице объема воздуха: увеличилось их число на коже, которая снизила свои защитные функции. В камере не было никаких источников ядовитого угарного газа. Но он был обнаружен. Источником оказались сами люди. В результате каких-то пока еще недостаточно изученных биохимических изменений из организма человека выделялся угарный газ. Происходило как бы самоотравление организма.

Опыт проведения 120 суточных испытаний показал, что применение комплекса оздоровительных мероприятий — очистка воздуха от бактерий и вредных химических соединений, ультрафиолетовое облучение кожи, улучшение питания, специальные физические упражнения, некоторые лекарства и витамины — способствует резкому снижению нежелательных реакций организма. Эти данные исключительно важны для врача-гигиениста, обеспечивающего космический полет. Следует поставить вопрос о биологической совместимости отдельных индивидуумов в широком общебиологическом плане. Индивидуальные особенности членов экипажа будут по-разному влиять на качественный и количественный состав вредных примесей в воздухе, на состав бактериальной флоры.

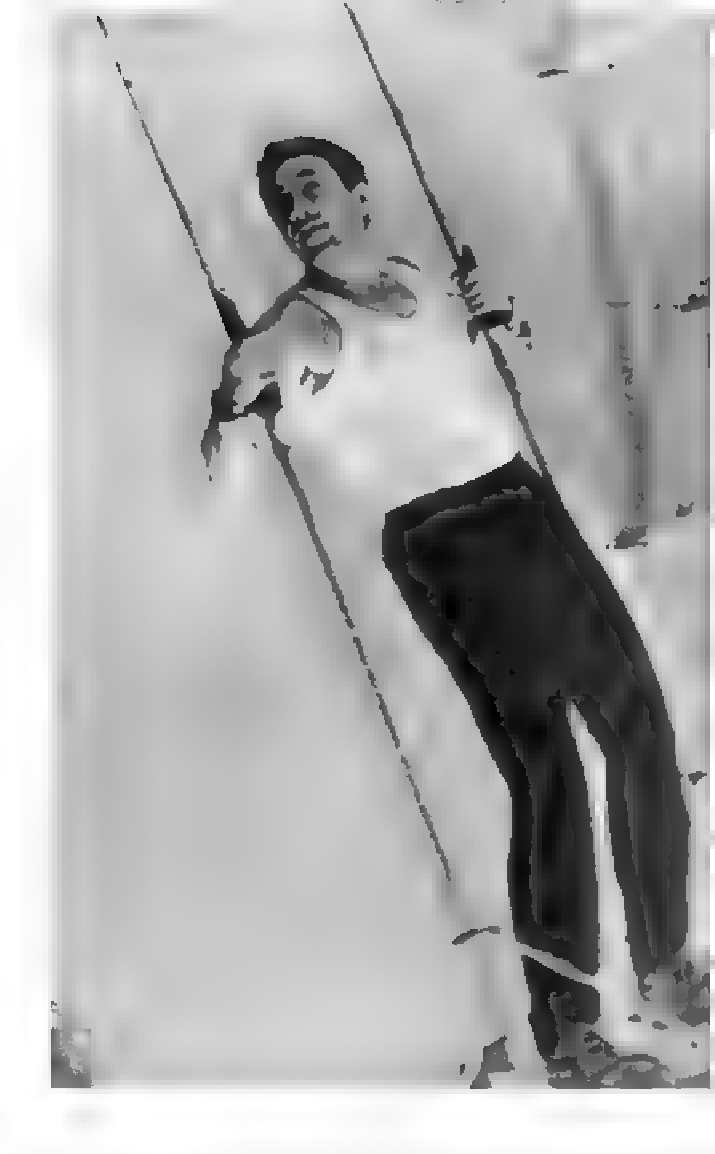
Несколько слов о психологической совместимости. Если проблема одиночества снята, то эта проблема выступает на первый план. Советские ученые придают в настоящее время этой проблеме огромное значение. Человечество накопило большой опыт длительных экспедиций. Наше время можно сравнить с эпохой великих географических открытий, но тогда исследовались белые пятна нашей планеты, теперь изучаются белые пятна космоса. В длительной экспедиции исключительно важно подобрать состав участников так, чтобы им было приятно вместе жить и работать. Это исключительно важно. Достаточно вспомнить эпизод из жизни замечательного полярного исследователя Фритьофа Нансена. Это был крупнейший ученый, человек большой души и исключительного обаяния.

Лекция, которую он однажды прочел в Эдинбурге, называлась «То, о чем мы не пишем в книгах». Речь шла о знаменитом дрейфе корабля «Фрам». Нансен рассказывал о штурмане Иогансене. Это был его большой друг до и после экспедиции. Вместе с ним они достигли 86 градуса северной широты и должны были возвращаться на материк. Они шли к Земле Франца-Иосифа. Этот путь занял у них около полутора лет. Ели они одну моржатину и медвежатину. Упадок сил, казалось бы, был полный. Но ничто не переносили они с таким трудом, как общество друг друга. Если раз в неделю они и обращались друг к другу с какими-то словами, то не иначе, как «господин главный штурман» или «господин начальник экспедиции». Это не была их прихоть или сварливость характера. Это было проявление законов психологии. Через некоторое время после возвращения они снова стали друзьями, но этот факт исключительно полезен и важен для космической биологии. Научный коллектив, который полетит к далеким планетам, будет подобран так, чтобы его составляли дружные, сплоченные, психологически совместимые люди. К этому не будет никаких препятствий: ведь экипаж корабля составят советские космонавты.

Космическая биология призвана обеспечить безопасный и достаточно комфортабельный полет. Вот почему на нее работают ученые самых разных специальностей, казалось бы, не имеющих к космосу никакого отношения. Например, одна из первоочередных проблем космического корабля: хранение и воспроизведение продуктов питания. Здесь без биохимиков, ботаников, физиологов растений, специалистов по фотосинтезу и микробиологов не обойтись.

Но не только биология работает на космос. Сейчас возникает новая ситуация — космос работает на биологию. Дан новый, очень важный толчок качественному изменению биологической науки.

Открываются экспериментальные возможности изучения эволюции живого. Мне представляется, что жизнь, где бы она ни возникла во Вселенной, должна иметь общую физико-химическую основу и единый принцип развития — естественный отбор. Законы диалектики едины во всей природе. Путешествуя от звезды к звезде, от планеты к планете, человек будущего встретится с разными проявлениями жизни и на различных ее ступенях. Не поможет ли это познать эволюцию жизни на нашей собственной Земле, от ее зарождения до возникновения «homo sapiens» — «человека разумного»? Я думаю, что космическая биология сумеет в будущем ответить на эти вопросы, поможет построить эволюционную лестницу во всех ее деталях. И, кто знает, может быть, когда-нибудь, лет через 100, авторы научной статьи будут рассматривать собственно космический полет лишь как методику научного, в частности, биологического эксперимента...

Тренировка на лопинге.

Врач-космонавт Б. Б. Егоров просматривает электрокардиограммы.

Фото В. Черединцева (ТАСС)

ЧЕТВЕРО НА

ПОВЕСТЬ

Согреться тут негде было; Витьку трясла мелкая дрожь, и он, не теряя даром времени, столкнул бревно на воду. В воде он поспешно развернул его торцом к накату и решил править подальше от скалы, в море, сколько хватит сил. Главное, чтобы преодолеть полосу наката, правя навстречу ему, и выйти на ровную воду. А как только непропуск останется чуть сбоку, развернуться к берегу и грести что есть духу.

Кожа горела от холода. Череп поламывало. Пальцы на ногах как-то мелко-мелко, один за другим, то сводило судорогой, то вдруг отпускало.

Так что такое мужество? Очень сложная штука! Это не просто какое-нибудь презренное молодечество. В основе мужества всегда — высокое чувство долга. Витька подумает об этом на берегу, если будет необходимость. Или потом, уже задним числом, желание заполучить бревно для костра покажется мелким и недостойным усилий, которые ради него затрачены? Ну, неважно. Крути не крути, а хотя бы жидкий чаячий супчик варить нужно. Им нужно жить. Им нужен огонь. Как ни странно, с едой легче и проще. Проще, пока лето. А сложнее с дровами, вот еще плохо будет с солью.

Почему так ломит в висках?

Ага, вот сейчас самое время править к берегу, развернуть бревно. Да нет, зачем его поворачивать, проще повернуться на нем самому — лицом к берегу. Ну, вот так... Теперь пустяки, греби потихоньку, только и всего. Задев дно, Витька тотчас соскользнул с бревна, стал придерживаться за него сбоку. Скосил глаза чуть назад и увидел тяжко повисший над собой вал. Вдохнув побольше воздуха, нырнул ему навстречу. Громада воды, которая в минуту превратила бы здесь в металлический лом любой стальной корпус, прошла над Витькой, как над прилипшей ко дну плоской камбалой. Но вот она отпрянула, и жестко прошуршали вслед за ней перекатывающиеся камни. Бревно тоже рванулось назад, но с каждым ударом наката его будет подталкивать к берегу. В конце концов из прибойной пены его кто угодно вытащит, тут никакая хитрость и сноровка не понадобятся.

Подхватив одежонку, Витька бегом бросился к лагерю.

— Малахольный,— сказал ему Станислав; как известно, он любил такие словечки.— Жалкий пигмей! Жизнь тебе надоела!

— Ничего,— басил Юрий Викентьевич,— это как боевое крещение. Иногда такой моцион способствует правильному обмену крови. Ничего-о,— как-то ласково-протяжно басил он, крепко растирая Витьку махровым полотенцем, смоченным в спирте.— К сожалению, горючего в обрез. Раньше нашему брату, геологу, совсем просто было получать его перед выездом в поле. Напишешь помпохозу записочку: требуется, мол, для промывки оптической оси в бинокуляре. А сейчас дудки: разобрались, что оптическая ось в бинокуляре — категория — увы! — нематериальная. Подкованы что надо! Ну, достаточно, пожалуй. Вас хоть на стол сейчас подавай — в качестве вареного рака.

Одеваясь и все еще стуча зубами, стараясь унять какие-то даже приятные содрогания в грудной клетке, Витька пролепетал:

— Там еще есть. Я п-пригоню... з-завтра...

— Я видел кретинов, но ты — исключительный кретин,— с сожалением покачал головой Станислав, шевеля в уже потухшем костре редкие сизо-красные угольки.

После высохшей воды на лице у Витьки образовались лишаи соли.

— Вытри,— сказал ему Станислав.— Сгреби в кулечек. Натрий хлор нам пригодится.

— Натрий хлор — поваренная соль,— уточнил Юрий Викентьевич.— Боюсь, что тут есть примеси. Но привередничать, пожалуй, мы не станем, а?..

Неделю спустя, используя вдруг распогодившийся к вечеру денек, решили пройти в глубь острова, «прощупать на обнажениях горизонты».

Ходили недолго — сказывалось недоедание, да и на обнаженный горизонт нигде не наткнулись: из-под мха и чахлой травы повсеместно бородавками выпирал камень.

Куда-то запропастился Станислав.

В лагерь он не приходил.

— Гм...— Юрий Викентьевич в недоумении пожал плечами.— Я такого фокуса от него не ожидал. Мог бы предупредить.

— Он отстал где-то в тех лопухах каменноугольного периода,— высказал догадку Витька.— Я видел: он что-то там то ли рисовал, то ли фотографировал.

Станислав появился в лагере, когда уже совсем стало темно. Он спрыгнул с обрыва, и за ним долго погромыхивали разнокалиберные обломки.

— Допрыгаетесь,— ворчливо заметил Юрий Викентьевич.— Обвалите на лагерь весь останец.

Станислав снял рюкзак и уселся близ костра.

— Вот посмотрите, что я здесь обнаружил. Говорите — плохой остров. Удивительный остров! Я нашел здесь росянку — единственное у нас в России насекомоядное растение.

Станислав протянул на свет, к огню, немощное растеньице с щеточкообразными ворсинками бордового цвета, к которым приклеиваются мошки, комарики, всякая такая мелкая живность.

— Гадючка будь здоров,— продолжал он, удовлетворенно смеясь.— Сожрет и спасибо не скажет. Главное, что я всю жизнь искал в России росянку и не мог найти. Знаю, что она растет в болотистых местах, но не находил. А тут — посмотрите, а?..

— Что же вы намерены с ней делать? — спросил Юрий Викентьевич, дотошно разглядывая хищную крошку-росянку.

— Не знаю. Выброшу. Это так, в порядке самодеятельности. Главное, я подыскал местечко для лагеря — во! Дров не то чтобы завал, но дрова есть. И поблизости, слышно, сивучи орут, лежбище, что ли.

— Да ну?! — оживился Юрий Викентьевич и потер руки.— Печеночка сивуча — это, знаете ли, продукт высшего сорта. Это, знаете ли, гу-усь... Думаю, что и мясом не побрезгуем. Сноу когда-то утверждал, что из мяса сивуча получается первостатейный суп.

— Сивучи — они и здесь орут, только в воде,— засмеялся Витька.— Сивуча еще нужно убить. У нас сейчас такая усовершенствованная мортира — только держись! Покажи, Миша, какую ты мушку сварганил. Супермушка! Из корабельного гвоздя.

Идея перехода в новый лагерь Юрия Викентьевича весьма приободрила. Еще бы: там дрова... Надоело экономить. Надоело ходить согнувшись вдоль моря, ожидая, не выбросит ли оно от великих своих щедрот паршивую щепку.

— А можно туда пройти?

— Да-да, я же там был. Но с грузом придется попотеть.

— Сходим дважды, трижды. Главное — сразу взять палатки и спальные мешки. Нужно было бы там и высаживаться.

Вдруг подал голос Миша Егорчик:

— Хорошая мысля приходит опосля.

Игнорируя его ценный вывод, Станислав возразил Юрию Викентьевичу:

— Да нет, там для шхуны неудобные подходы и камешки позначительней здешних. Взглянешь — и шею начинает ломить. На карте все верно помечено.

— А берег свободен?

— Не свободней, чем здесь. Одна сатана.

— Гм... Однако терять нечего,— подвел Юрий Викентьевич итог сумбурному разговору.— Завтра же и выйдем, а?.. Возражений нет? Тогда давайте приниматься за предварительные сборы.

Прежде чем начать укладываться, Витька вытряхнул рюкзак. Из него мотыльком порхнула желтенькая брошюра.

Станислав поднял ее и вслух прочитал название:

— «Как искать золото».— Он взглянул на Витьку без улыбки.— Ого, братец! Не намерен ли ты заняться в здешних теснинах поисками платины и алмазов? Или тебя волнует преимущественно желтый металл?

Витька покраснел.

— Меня все волнует. А вас нет? Вас — только росянка?

— Будет вам,— примирительно сказал шеф.— Ну, золото — и золото. Все может быть. Геология — занудная штуковина. Как говорится, существует — и ни в зуб ногой. Сегодня золота нет, а завтра — очень просто: мы на него наткнемся. Нужно только искать.— Он взял у Станислава брошюру и отдал ее Витьке.— Пусть. Не помешает.

Виктор взглянул на него с подозрением: не смеется ли?.. Но если Юрий Викентьевич в душе и смеялся, то умел это скрывать. Лицо его было непроницаемо.

— Неужели тут можно золото найти?

— Найдите-ка мне, дружок, клочочек древнего фундамента здесь. Достаточно какого-нибудь — ну, предположим, гранитного уступчика. А в нем поищите кварцевую жилу. А потом мы потолкуем о золоте. Иногда я не прочь порассуждать на отвлеченную тему.

Вот сейчас он явно шутил. Но лицо его по-прежнему было серьезным.

Найти бы действительно тот древний фундамент Юрию Викентьевичу! Пожалуй, он обрадовался бы ему больше, чем самому золоту. Пожалуй, тот фундамент что-то прояснил бы в его работе по островным структурам. У каждого свое понятие о ценностях.

В конечном счете, Витьке тоже золото ни к чему. Тут важна увлеченность. Поиск. Самый процесс. Не найдешь золота — найдешь росянку. Тоже, оказывается, может быть важно для науки. У Корсунской, например, ничего не сказано о росянке на этом острове.

Витька сунул брошюру о золоте на самое донышко рюкзака, но потом нашел ей место с краю повыше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Шеф остановился, чтобы передохнуть. Даже он, опытный ходок, знавший многие острова

Продолжение. См. «Огонек» № 43

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки П. [illegible]

ГОЛОМ ОСТРОВЕ

Курил, как свои пять пальцев, не мог предположить, что придется так трудно.

Во-первых, с самого утра навалился туман и потеряны были ориентиры. Станислав отклонился от пути, которым шел накануне, взял немного в сторону. Это, в общем, не пугало. Зная примерное направление, остров так или иначе они перевалят. Ходу здесь три, от силы четыре километра.

Во-вторых, сбившись с пути, они то и дело начали «окунаться» в трещины-ущелья, радикально сбегающие к морю от кратера. Растительностью остров не радовал, и, сходя вниз или взбираясь на кручи, не за что было даже придержаться, приходилось ползти на четвереньках, под гнетом разбухших от сырости рюкзаков.

Неподалеку Витька изнеможенно вытирал лоб детским полотенцем, которое торчало у него под лямкой рюкзака.

«Вот кому скверно с непривычки»,— подумал шеф. Правда, Витька говорил, что в школе занимался туризмом, но шеф презирал узаконенный, официальный туризм с его коттеджами для ночевок и безопасными маршрутами.

Наконец-то пошел сухой и ровный подъем на возвышенность, макушка которой укуталась в туман. Это, вероятно, водораздел. За ним начнется спуск — и, черт возьми, тогда опять не миновать ущелий.

Щебнистый склон уходил вверх полого, просто душа подпевала, так легко было подниматься. По обе стороны щебенка уже затравянела, защитилась перегноем, подобием почвы, и в ней местами зияли почти неприметные дырочки, одна к одной, будто моль землю побила. Шеф заметил мышку. Она часто-часто поводила запавшими боками.

«Наверное, поблизости есть кедрач,— решил шеф.— А то чем же ей здесь питаться? Как вообще попали сюда мыши?»

Он еще подумал: «На острове много живности» — и тут же отметил с огорчением, что, во всяком случае, мышь — тварь несъедобная. Он не был ни брезглив, ни привередлив, охотно поедал здесь чаек, тогда как его коллеги позволяли себе эдак пренебрежительно крутить носами. Крутить-то они для вида крутили, а чаек вниманием жаловали: помимо этих птиц, в рационе отряда не осталось ничего [illegible]

Шеф по необходимости ел все, что не сулило явного отравления: к тому его давно уже приучила кочевая жизнь геолога.

Не пренебрегал никакой едой и Миша Егорчик. Сейчас, когда отряд перешел на жесткую экономию продуктов, выпуклые пронзительные светлые глаза Егорчика как зажглись голодным огнем, так уже и не потухали.

Шеф остановился и подождал Витьку.

— Упарились?

— Немного есть,— признался тот.

— Сейчас достигнем верхотуры — передохнем, перекусим.— Шеф испытующе на него посмотрел.— У вас какие-то трения со Станиславом. Это почему? До сих пор ваши взаимоотношения меня, правда, не касались, но...

— Никаких трений,— возразил Витька; он был искренен: действительно, никаких трений. Он не припоминает ничего такого... такого, что бы могло броситься в глаза кому-то постороннему.

— Ну, допустим,— медленно сказал шеф и почему-то вздохнул.

Он чувствовал симпатию к Витьке, его ребячеству, наивному бескорыстию.

Скверно, что туман. Абсолютно никакой видимости. То ли взошли на макушку, то ли еще нет.

— Где мы сейчас? — спросил Витька.

— Где-то тут,— наугад ткнул пальцем в карту шеф и описал им круг.— Из-за отсутствия ориентиров не привяжешься к местности. Но неважно, сейчас свалимся вниз, дальше моря в любом случае не уйдем. К сожалению. Я только боюсь, что нам не выйти к месту, предложенному Станиславом.

Как раз подошел и Станислав.

— Вот сейчас выглянет солнце,— бодро сказал он,— мы сориентируемся по компасу и карте.

Не до смеха, а засмеешься: покажется солнце — тогда и без карты можно обойтись. Островок всего с ладошку.

— Между прочим, где эта каланча бродит,— неприязненно сказал Витька,— этот Егорчик — тип лишнего человека наших дней?

— Ничего, покричим — отзовется,— успокоил шеф. он и к своему коллектору питал ничем не объяснимое расположение.

Но на крики Егорчик не отозвался.

— Он, вероятно, глуховат? — высказал сомнение Витька.

— Вряд ли,— усмехнулся Станислав.— Скорее он феноменально ленив и феноменально безответствен. Давайте-ка лучше перекусим здесь в затишке — может, он и объявится.

— Разумно, разумно,— поддержал его шеф, тотчас извлекая из рюкзака воду в термосе.— У кого будут добавления к этому высококалорийному напитку?

— У меня заначка. Белый сухарь,— сказал Станислав, расшнуровывая прозрачный мешочек.

— О, даже белый! — удивился шеф; в принципе он не одобрял эти так называемые единоличные «заначки».

Станислав разделил сухарь на четыре кусочка — и началась скудная трапеза. Шуток слышно не было. Сильно дуло, но здесь, за увесистыми глыбами, очень дельно поставленными какою-то силой на лопе, было даже уютно.

— Вот еще кусочек сухаря завалялся,— пробормотал Станислав.— Тут и делить нечего. Разыграем его «на гопа»!

— Не стоит,— сказал шеф.— Сейчас появится Егорчик.

— К сожалению, не исключено. На запах сухаря он, пожалуй, сработает безотказно, как хороший локатор.— Станислав вытряхнул на ладонь крошки из мешочка и отправил их в рот.— Все-таки жаль. У него в рюкзаке местная курица в тряпочку завернута. Порода — тихоокеанская леггорн. Он ее, может, затем и уволок, чтобы ошарашить в одиночку.

— Ох уж эти ваши заначки! — покачал головой шеф.— Поразительные вы крохоборы.

Витька не хотел быть крохобором.

— Разве плохо,— сказал он,— если кто-то сэкономит на своем желудке, а потом поделится со всеми? У меня тоже где-то кусочек сахара лежит — в тяжелый день попьем чайку.

Медленно вышел из тумана Егорчик, откуда-то совсем сбоку: похоже, что у него действительно сработала реакция на сухарь.

— И правда, учуял,— прыснул в кулак Витька.

Шеф слегка пожурил Мишу — не следует отставать от группы; мало ли что: туман, ущелья...

— Ничего опасного не случится,— хрипло проговорил Егорчик и, не распространяясь больше на эту тему, разгрыз предложенный ему сухарь.

Витька, пожалуй, становился суеверным, потому что пробормотал отчужденно, так, чтобы не услышал Егорчик:

— Он-таки накличет беду, этот одноклеточный оптимист!

Станислав в полной мере оценил мрачный Витькин юмор и от души засмеялся.

— Между прочим, ты свою чайку уже ошарашил? — спросил он у коллектора.

— Я ее съел,— серьезно ответил тот.

Станислав поднял вверх пятерню: ну, что я вам говорил?!

Перекусив, долго рассуждали, в каком направлении двигаться.

Наконец шеф во всеуслышание определил азимут.

— Вот так и будем потихоньку сваливаться к морю,— сказал он, плотнее пристегивая на руке компас.— Не робей, ребяты, уже скоро обогреемся!

Витька взглянул на него с любопытством: а он совсем не скучный, этот Юрий Викентьевич, и никакой, конечно, он не тюфяк. Это Станислав от большого ума когда-то заявил.

Опять куда-то исчез Егорчик.

— А вон он уже по хребтику пошел, вон по хребтику! — показал Витька.

Сложив ладони рупором, шеф приказал:

— Вернитесь! Куда же вы, вернитесь!

Егорчик как-то замедленно повернул голову, явно услышав зов, но ничем более на него не отреагировал и проследовал дальше, растворяясь в белесом тумане, как дух в спиритическом сеансе.

В глубоком кулуаре, куда вскоре сошли, дико взвывал, припадая к снежникам, ветер. Мрачно желтели по сторонам будто оскальпированные склоны — весь травяной покров с них был снят свежим оползнем. Обнаженным «мозгом» виднелись в них напластования пород.

— Вот вам горизонт,— сказал Витька,— вы искали.

— Да,— сказал шеф.— Нужно будет сюда прийти.

— Когда?

— Ну, когда... на днях.

— На днях нас еще никто отсюда не снимет?

— Может, и не снимет. Нужно приучать себя к мысли, что нам придется прожить здесь долго. Как долго? Не знаю. Возможно, даже месяц.

Витька обескураженно притих. Шеф пожалел его задним числом, но утешать и обнадеживать все-таки не стал. В таких вопросах ясность прежде всего. Он не хотел кривить душой.

Станислав поскреб в раздумье тщательно выбритый подбородок: он постоянно за собой следил и терпеть не мог какой-либо внешней разболтанности в человеке, потому-то Егорчик особенно злил его своим неприкаянным видом.

— Куда же запропал этот дешевый софист с Пересыпи? — уже раздраженно выкрикнул он (родом Егорчик был из Одессы).— Найдет себе какое-нибудь приключение, а потом отвечай.

— Давайте покричим,— сказал шеф.

Долго кричали хором и врозь.

— Да нет,— сказал Станислав,— бесполезно кричать на таком ветродуе. Собственного голоса — и того не слышно.

Ответа действительно не последовало.

Кулуар переходил в крутостенное ущелье.

— Перейдем на ту сторону, пока не поздно, вон туда, влево,— предложил шеф,— там легче будет пройти и есть подобие какой-то растительности, кедрач какой-то...

— Вполне возможно,— согласился Станислав,— ведь это охотская сторона, тут растительность должна быть активней. Только спуска вон по тому раскисшему обрыву нам не миновать. Скверно, что там не за что придерживаться. Ну, так кто же смел?

Вызвался Витька. Он с громким щелком отвел прочное лезвие охотничьего ножа, на рукоятке которого было вытиснено: «1 500 лет Тбилиси»,— и, втыкая его для упора и поддержки в глинистый склон, начал неторопливый спуск, с омерзением прикасаясь лицом к сочащейся то липучей, то жестко нашлифованной щебенкой породе.

— Воистину техника на грани фантастики,— пробормотал шеф.— Ни ледоруба, ни какой-нибудь завалящей веревки.

— «Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!» — поддел его Станислав цитатой из почтенного классика и приготовился к спуску в свою очередь; тут же он беспечно добавил: — Завещание в рюкзаке. Никого не обидел. Вам оставляю свой маузер, которого не взял со шхуны, а Витьке, если возвратится в Москву,— самый массивный клык моржа с экзотической резьбой. Он давно его обхаживал.

Переправившись через ущелье, с полчаса шли молча, думая каждый о своем. Шеф подозревал, что думает каждый все-таки о Егорчике, бесследно растворившемся в тумане. И точно, Витька сказал:

— Если он зайдет по ущелью ниже, ему вообще невозможно будет соединиться с нами.

Станислав остановился.

— Вон, кстати, и сам он, голубчик! Видите, шествует важно на той стороне? Каков!

До Егорчика, который внезапно поднялся из какого-то распадка и стал отчетливо виден, по прямой было не меньше километра.

— Егорчик! — пронзительно крикнул Витька.

Потом закричали опять все вместе, и эхо трижды поддержало и трижды усилило их голоса.

На сей раз он услышал, остановился и замер.

— Не туда идешь! — очень хрипло и очень проникновенно втолковывали ему.— Там тебе не спуститься! Поворачивай к ущелью! Давай переходи к нам!

Вряд ли он разобрал слова, но общий смысл криков, усиленных мощным резонансом ущелья, все же до него дошел. Он круто повернулся и широкими шагами начал спуск. Егорчик не мог видеть, что дальше склон переходит в стометровый обрыв. Он не мог этого видеть, а предупреждать уже было поздно.

Схватившись за жалкую веточку не то ольхи, не то кедрача, он смело шагнул в пустоту, надеясь найти там упор, и, очевидно, в последний миг его, как током, поразил вопль, вырвавшийся из груди шефа. Вопили теперь все — не кричали, а именно вопили.

Витька стонал и раскачивался, обхватив голову руками.

Вдруг прекратив крик и остановившимися глазами наблюдая, как неторопливо, с сомнением озираясь, Егорчик подтягивает назад ногу, шеф коротко и нелепо выругался.

В высшей степени выдержанный человек, шеф не ругался никогда. Он вырос в интеллигентной семье. Он получил приличное воспитание. Он был деликатен. Его ругань прозвучала трагически смешно. Но если бы Егорчик ее услышал, он умер бы на месте от разрыва сердца. Хорошо, что он не услышал таких бранных слов шефа, хорошо, что наконец уяснил, куда ему нужно идти.

Только минут через шесть-семь вспотевший Егорчик, невидяще помигивая светлыми глазами, запаренно дыша, с шумом вывалился из кедрача и пристроился сзади группы. Он, конечно, слышал шефа. Но не отзывался.

Шеф не умел раздражаться по пустякам, они не задевали его. Но тут он почувствовал, что раздражается сегодня уже не впервые, и это было для него неожиданно и неприятно. Значит, в отряде наступило какое-то неблагополучие,— пахло не цветочками и травкой, а сушью пороха.

Витька смотрел сердито.

— Вы что-то хотите сообщить мне? — спросил шеф.

— Почему же вы ничего Егорчику не сказали? — обиженно спросил Витька.— Мы из-за него тут ругаемся, спорим, теряем время, а ему все с рук сходит. А с него, как с гуся вода.

— На мой взгляд, достаточно того, что он чувствует наше отношение к своему проступку. Иногда внушения излишни. Иногда достаточно уже одной накаленной атмосферы. С огнем нужно обращаться осторожно.

— Атмосферы-ы,— скептически протянул Витька.— А в общем, какой я вам советчик! Только скажу, что атмосфера от одной спички не загорится. Ей нужен, ну, сильный детонатор хотя бы.

Шеф положил ему руку на плечо.

— Мы находимся на необитаемом острове в довольно незавидной ситуации. Тут заранее невозможно предугадать, что и от чего загорится.— Он поежился и пробурчал себе под нос: — Сто чертей! Никак начался концентрированный дождь!

Витька обеспокоенно взглянул на небо, нахлобучил беретик и подытожил:

— Теперь и вовсе атмосфера отсыреет.

— Сто чертей! — сказал шеф.— Придется заночевать. Да и темно уже. Наше счастье, что здесь хоть кедрач растет.

«Кедрач — это натуральное спасение,— подумал он расслабленно, снимая рюкзак.— Кедрач — это огонь, и, стало быть, можно еще благоденствовать, честное слово! Завтра встанем — и будет солнце, и вся эта исковерканная местность радостно преобразится, и вспыхнут желтовато-зеленые стланиковые заплаты под солнцем, и так проникновенно вокруг запахнет!»

Он подумал обо всем этом, как стихи сочинил, хоть записывай на бумагу. В душе он и впрямь был поэт, такой рослый, лобастый, ничуть на поэта не похожий человек. Даже больше того: в молодости он писал стихи. Увы, плохие. Его размеры были некритически заимствованы и устарели. Вдруг он начинал писать гекзаметром.

Очень сладостно вспомнить, что в юности грешил гекзаметром, в адских прорвах затерянного в океане острова! Не к курению был пристрастен, не к поспешным связям с женщинами, а увлекался Спинозой, теориями о происхождении Вселенной, октавами и гекзаметрами.

Дождь зарядил в полную силу.

Самое необходимое было сейчас — развести костер. Чтобы дико полыхал огонь. Чтобы стало жарко. Чтобы круто вскипела в котелке дождевая вода.

— Дрова тащите, дрова! — бурно начал распоряжаться Станислав, признанный повелитель огня, он способен был воспламенить любое сырье под любым дождем.— Веток, веток побольше! Навались, братва! Тащи! Фу, сырость какая!

Шеф с сожалением отметил, что палатку поставить не удастся, а разве только можно будет прикрыться ею: здесь не было подходящих палок.

Каждому немало пришлось поелозить в кустах и стоя и на коленях, в кромешной темноте выкорчевывая ветви с корнями, прежде чем позволить себе этак размагниченно усесться у костра, с замиранием сердца подставляя ему то натруженные ноги, то настывшие бока, то до костей промокшую спину.

Только Егорчик сидел здесь как ни в чем не бывало, не сломав ни единой веточки, не хлопоча и не бегая. На его покрасневшем носу жалостливо повисла капля.

— Чего сидишь? — не вытерпев, спросил Станислав так, будто каждаком по Егорчику прошелся.

— А что?

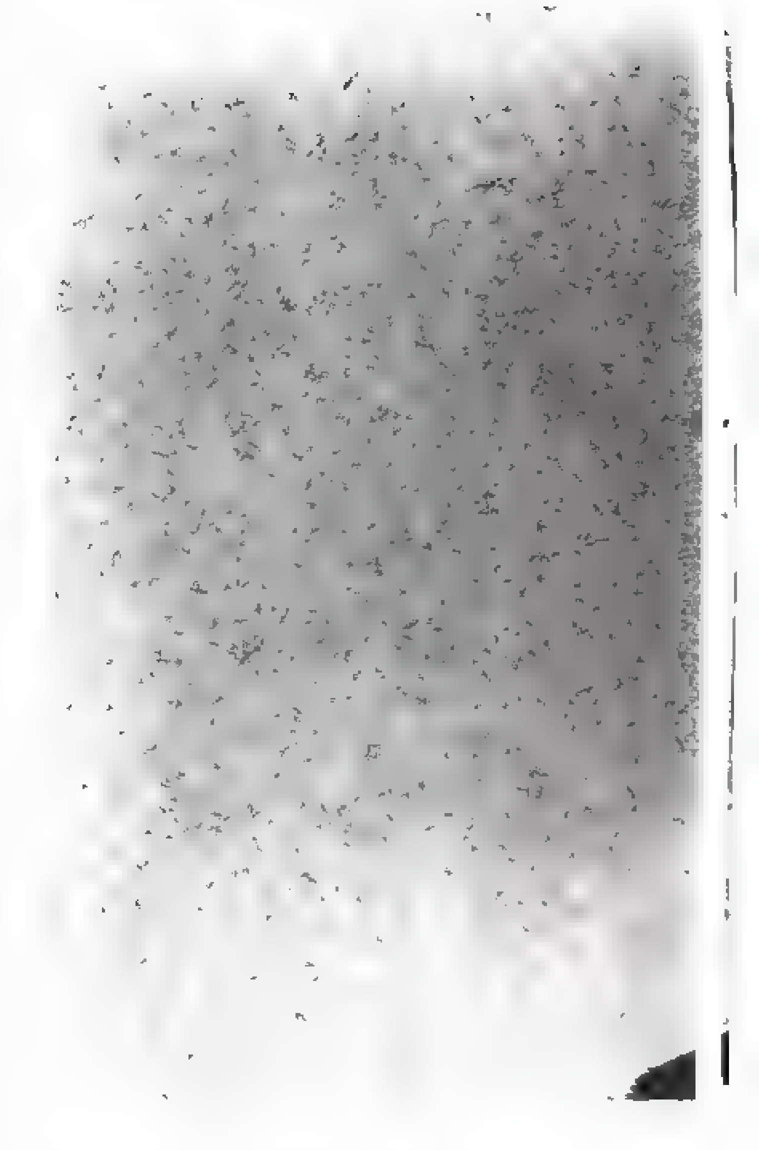
— Все кедрач заготавливали, а ты...

— У меня ножа нет.

Станислав четко отработанным выпадом мушкетера рванул из кожаного чехла самодельный тесак и бросил Егорчику.

— На, ступай, руби! Не действуй, ради бога, на нервы... Не сопи, как паровоз!

Глядя, с какими муками Егорчик снимает узкие в подъеме резиновые сапоги, шеф проговорил с осуждением, но и с участием (коллектор казался таким беззащитным и неприкаянным):

— Да-а, Миша, незавидная вам предстояла бы ночь в смысле удобств, окажись вы один на голом месте по ту сторону ущелья. Да еще под проливным дождем. А ведь у вас только спальный мешок.

— Он бы загнулся,— резко сказал Станислав.

— Ну уж! — позволил себе усомниться шеф.— Разжег бы костер.

— Не разжег бы он костра.

— Это почему еще?

— Не сумел бы. Или поленился бы. Дождь ведь.

Шеф взглянул на Егорчика искоса. Тот идиотски ульбался, никак не реагируя на слова Станислава. Шеф не мог понять своего помощника, не мог уяснить, что это у него: туповатая безобидность, толстокожая бесчувственность или же мстительное, себе на уме, равнодушие? Конечно, Егорчик неважным был ему помощником. Конечно, инициативы в работе он не проявлял, сообразительностью не отличался. Все это так. Но он хотя бы безропотно слушал его, никогда ни единым словом не перечил.

Может, эта его тупая безответственность и устраивала шефа?

Да нет же! Просто Егорчик доставлял ему пока меньше хлопот, чем доставляет их тот же вспыльчивый, высокомерный Станислав, который обо всем на свете имеет давно заготовленное мнение. Егорчик же всегда оставался в тени, и его присутствие вдруг обнаруживалось только вот в таких передрягах, вроде нынешнего перехода через остров в адском тумане и под безжалостным дождем.

Станислав уже устраивал ночлег.

Всех вещей зараз забрать не удалось, оделись тоже легко.

Правда, у запасливого Станислава нашелся

длинный лоскут перкаля, которым обшивают крылья легких самолетов,— бог его знает, где он достал такой дефицит. Сложенный вдвое или вчетверо, он уже предохранил бы от стылой влаги.

Станислав подтолкнул Витьку плечом.

— Держи! Расстелем и как раз вдвоем на нем уляжемся.

Витька немного подержал край перкаля в руках и выпустил.

— Да нет, спите себе... А я — как все, так и я.

— Вот кретин! — удивился Станислав.— Как все! Все на голове начнут ходить, ты тоже последуешь их примеру?

Честно сказать, шеф что-то не мог в Витьке разобраться. Это уже начинало его смущать: Егорчик — загадка, Витька — загадка. Не много ли ребусов для одного необитаемого острова с территорией в три километра на четыре?..

Витька либо капризничал, дурил, либо с ним что-то происходило. Да и не мудрено: кто может знать, как повернется их жизнь?

Если шхуна погибла, то маломощная ее рация едва ли успела сообщить миру о том, что на маленьком Курильском острове остался геологический отряд — так сказать, остался без средств существования. Может быть, на берегу считают, что отряд погиб вместе с командой шхуны, и ищут шхуну? И, всего верней, уже нашли ее? И установили, что людей поглотила морская пучина, а с нее взятки гладки?

Иначе спасение давно уже пришло бы! До поселка, откуда оно могло прийти, совсем близко — каких-нибудь десять часов хода!

Вспоминать шхуну — все равно, что старую рану бередить. Куда полезнее сейчас заняться Витькой... найти к нему ключ, как говорится.

Станислав вовсе не тот человек, кому с легкой совестью можно поручить заботу о таком парне. Железные взгляды на жизнь, этакая бескомпромиссность натуры, чем характеризовался сам Станислав, вряд ли могли быть перенесены в душу Витьки без серьезных коррективов.

Да, со Станиславом общаться сложно. Он герой. Таким по крайней мере представляется он Витьке. Велик соблазн быть на него похожим.

— Он же простудится! — озабоченно проговорил где-то за костром Станислав.

Шеф встрепенулся, сосиреб ногтями подпалины на бровях.

— Кто?

— Витька. Улегся почти на голую землю.

— Не простудится,— сказал шеф.— Уже закалился на Курилах. Я ему сунул меховую куртку, он подстелил ее.

Станислав двинул плечами.

— Какой-то он взвинченный стал.

Теперь пожал плечами шеф.

— Виктор — человек, так сказать, еще не состоявшийся, мягкий. А в передрягу для начала он попал весьма основательную. Немножко нервничает. Чей он, откуда?

— Да так, соседский. Я знаю его давно, но вскользь. Любит джаз, таскал домой разную дрянь — записи на рентгеновских снимках. Я его познакомил с настоящим джазом. В последнее время он заглядывал ко мне часто... В институт не поступил. Говорит, не нашел себя. Он какой-то действительно еще не состоявшийся.

Станислав говорил тихо, раздумчиво — отогрелся у огня, оттаял.

...Монотонно стучал по парусине дождь, копился в выемках.

Но к утру просочилось сквозь туман, воспияло размытое, зябкое солнце. Море лежало у мрачных теснин берега тихо, покорно, жирное и неповоротливое, как загустевшее масло.

Встали, выпили кипятку с жалкими крохами какой-то еды, оставшимися от вчерашнего ужина. Одежда на каждом была испятнана кедровой смолой. Лица осунулись от скверно проведенной ночи.

Лучше всех выглядел, пожалуй, Станислав.

— Ну, воинство! — ухмыльнулся он, разглядывая себя и товарищей.— Теперь все мы под цвет острова. Под цвет Курильской гряды в целом. Ну, воинство, вперед! Тут уж близко, только найти спуск.

Вскоре берег лестничей обозначился пестрым накрапом окатанных кама, принесенных водой откуда-то с глубин, потому что на острове пема не было.

— Как сорочьи яйца,— сказал Витька.— А дров-то, дров сколько!

Птиц здесь тоже летало в избытке.

— Удивительно, где они находят ягоды! — изумился Станислав.

— Почему вы решили, что ягоды? — спросил шеф.

— А гуано? Видите, все большие камни заляпаны фиолетовым и белым? Этакий декоративный узор, специалиста бы сюда... Фиолетовые гуано — это же явная шикша. У чаек она как десерт к постоянному рыбному меню.

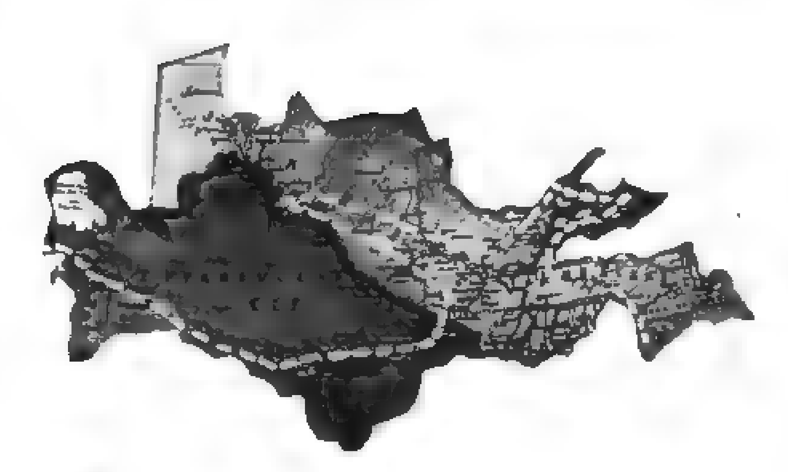
Шеф уважал Станислава за разносторонность познаний и внушительный стаж путешествий. Ездил Станислав действительно много, почти постоянно. И все же образ его жизни иногда смущал шефа некоторой — как бы это сказать полегче? — неупорядоченностью.

Продолжение следует.

ФАРХАДЫ НАШИХ ДНЕЙ

Продолжая в этом номере путешествие по следам одного ленинского декрета, «Огонек» передает эстафету французскому журналисту Макс Леон впервые в Узбекистане. Он видел республику, ее природу, ее экономику и людей, как говорится, свежим глазом. Вот его рассказ..

Макс ЛЕОН,
корреспондент газеты «Юманите»

Фото Дм. Бальтерманца.

Я вернулся из пустыни с руками, полными фруктов и цветов. Это не фантазия. Я проехал Узбекистан вдоль и поперек, от хребтов Тянь-Шаня до оазисов Хорезма, от Ташкента до Каршинской степи, пересек Аму-Дарью, одну из колыбелей человеческой цивилизации. Я вернулся из пустыни, сгибаясь под тяжестью дынь и гранатов, яблок и винограда. Прежде я всегда удивлялся, встречая людей, нагруженных причудливыми пакетами, корзинками с фруктами. Надо видеть зрелище прибытия багажа в аэровокзал, когда по ленте конвейера плывут, покачивая боками, словно шлюпки в волнующемся море, арбузы. И вот я сам делаю теперь то же.

В Узбекистане есть вещи, полные колдовства. Колдовство скрыто в аромате его роз, в яблоках Намангана, в цветении стеблей хлопчатника, растущего в античном Хорезме, колдовство в огнях солнца, спящего, воскресающего и умножающегося в зернах граната.

Голос воды

Если бы мне потребовалось выразить двумя словами впечатления от Ташкента и пустыни, кишлаков и хлопковых плантаций, строительных площадок и базаров, минаретов и народных клубов, я бы сказал об этом коротко: «Голос воды». Шепот фонтанов, над которыми склоняется ташкентская ночь, чтобы припасть к воде пересохшими губами; журчание арыка возле чайханы, где аксакалы пьют свой зеленый чай под сенью плакучих ив. Шум водопоя в степи, где поднимают пыль стада, спешащие на зов колодцев, рокот Чаткала—еще не покоренной реки, которая завтра станет искусственным морем, перекрытым плотиной и гидроэлектростанцией; деловитый говор арыков в бахчах и садах первого совхоза, основанного в Каршинской степи, где предстоит засеять хлопком миллион гектаров.

Этот голос воды — самый человечный, самый волнующий, потому что он вызывает ликование детей и улыбки влюбленных. Он предшествует рождению городов и ферм, школ и заводов. Он заставит цвести степь и покроет пески золотистой соломой рисовых полей. Этот голос возвещает мирное завершение тысячелетних битв, которыми изнуряли себя целые цивилизации. Этот шепот кажется хрупким перед лицом дикой, суровой природы сыпучих песков. Но он проносится сквозь сотни километров над опаленными степями и барханами. Сегодня этот голос — триумф цивилизации, которая осуществляет планы двадцатилетия, равного векам, цивилизации, которая вооружена эскадрильями, несущими удобрения на поля, и которая вдохновляет поэтов, архитекторов, композиторов...

Страсть строить

Узбекистан охвачен строительной горячкой, никогда прежде ему не знакомой. Его народы сооружали некогда ирригационные системы и поднияли города, разумность и красота которых удивляют доныне. Но эта горячка, эта страсть строить питается теперь удивительными планами и оснащена мощными средствами. В каждом городе, в каждом селе и даже в пустыне я видел скреперы, переворачивающие почву, стены из кирпича и бетона, поднимающиеся рядом с саманными домиками, голубые дороги, протянувшиеся до горизонта, электромачты, перешагивающие водные потоки.

Узбекистан на пути к тому, чтобы стать одним из красивейших садов мира. В Намангане, городе, где живет 150 тысяч человек, приходится по меньшей мере десять кустов роз на одного жителя. А в колхозных садах скопилось столько фруктов и овощей, что необходимы срочные меры для отправки урожая, пока он не испортился на месте.

Весь юг республики должен быть превращен в своего рода земной рай. Это Каршинская степь — «чуль», как ее здесь называют, полупустыня, расположенная между отрогами Зеравшанского хребта и афганской границей. Степь тянется вдоль Аму-Дарьи, которая течет между пустынных берегов Каракумов.

После феерического зрелища Самарканда с его мавзолеями и голубыми куполами мы пролетаем пустыню на биплане «АН-2». Ни одного признака жизни. Только зыбкие следы древних караванных путей или же четкие круги глиняных кошар, где укрываются стада во время бури.

Черные пески, красные пески. Кажется безумным атаковать это чудовище. Единственные источники воды — колодцы. Они очень глубоки, но часто не дают ничего, кроме солоноватой жидкости, не всегда приемлемой даже овцами, не говоря уже о людях. Ни деревца в поле зрения, одни чахлые кустики верблюжьей колючки.

Однако именно здесь советские люди решили воздвигнуть города и поселки, целую сотню совхозов, по десять тысяч гектаров земли каждый. «Решили», пожалуй, не совсем точное слово. Что касается плана покорения пустыни, то он уже выполняется. Будучи в Карши, я видел карты и схемы наступления у руководителей операции — старого андижанского ирригатора Бекмурада Усманова и кандидата экономических наук Кабулджана Усманова.

Работы начаты сразу в нескольких точках. Поставлена цель: соорудить два больших резервуара, наполнив их водами Аму-Дарьи, которые поднимутся на высоту 140 метров. Первое водохранилище емкостью 1 200 миллионов кубических метров будет построено через пять лет. Оно обеспечит к 1970 году орошение двухсот тысяч гектаров земли. Другое — емкостью 2 500 миллионов кубометров — позволит к 1980 году превратить восемьсот тысяч гектаров пустынных земель в орошаемые. Они засеваются хлопком. Воду поднимут шесть машинных станций. Первая из них подаст в гору 210 кубометров в секунду. Станции образуют цепь длиной 60 километров. Они будут потреблять энергию, равную Днепрогэсу,— шестьсот тысяч киловатт!

Уже открыта грунтовая дорога, пересекающая степь от станции Аму-Дарья к городу Карши. По ней снуют цистерны с водой и горючим и грузовики с кирпичом и лесом.

В голове будущего канала строится поселок на двенадцать тысяч человек и огромный склад. Строится база в 60 километрах от Аму-Дарьи. Строится недалеко от Карши, где находится штаб наступления,— целый индустриальный ансамбль: деревоперерабатывающий завод и завод железобетонных изделий на 480 тысяч кубометров. Строится, строится, строится!..

Трудности, которые стоят перед строителями, не ограничиваются устройством водохранилищ. Чтобы освоить, сделать пригодным миллион гектаров пустынных земель, нужно будет проделать еще множество операций. Бульдозеры и скреперы должны проскоблить всю поверхность почвы, чтобы снять просоленный верхний слой. Затем нужно произвести тщательную планировку земель, перед тем как вода попадет в оросительную и распределительную систему. Одновременно механизмы, ведущие наступление, пророют дренажные каналы, которые соберут в большой коллектор соленые воды.

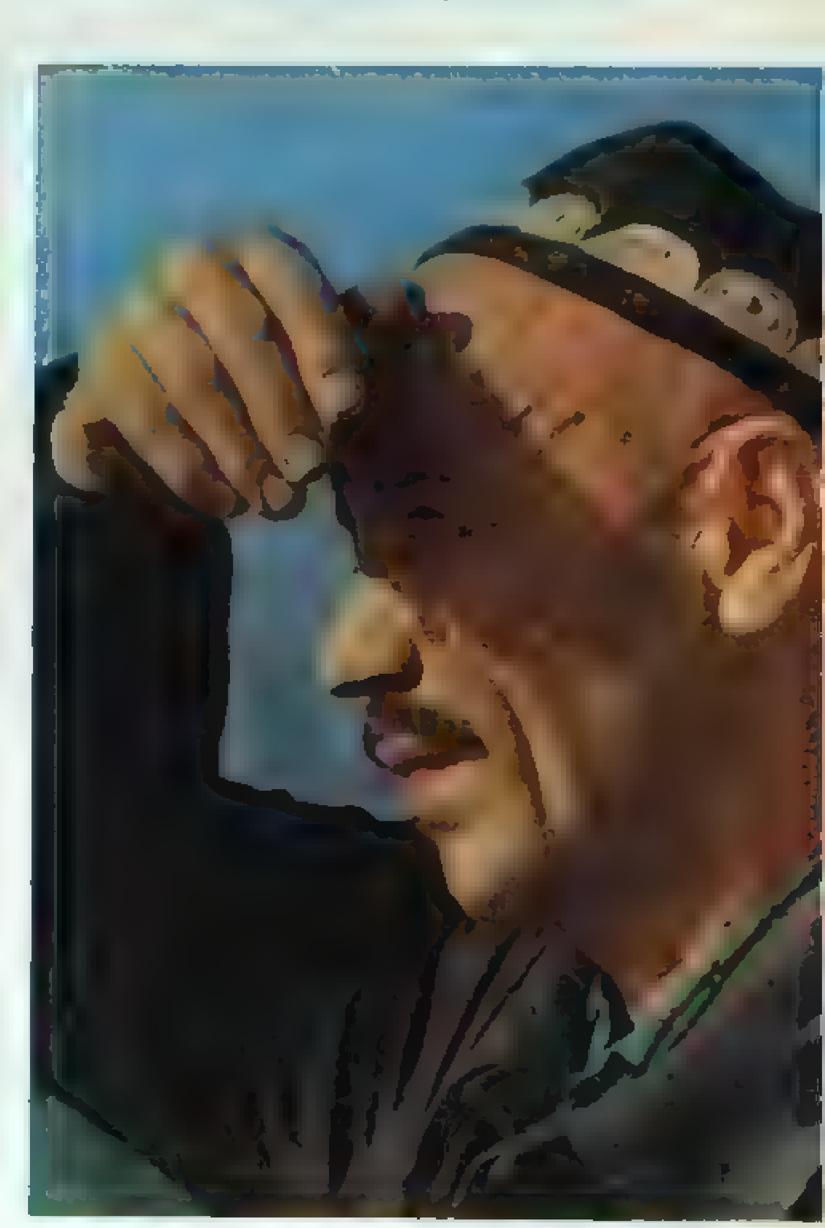
Час хлопка еще не пробил. Но в конце титанической битвы, при-

Институт водных проблем Академии наук Узбекской ССР. Здесь рождаются и проверяются на моделях проекты важнейших ирригационных строек.

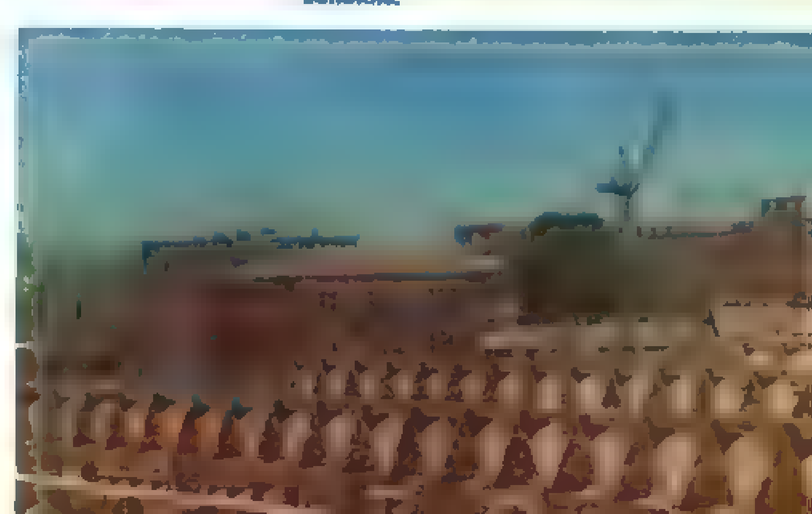

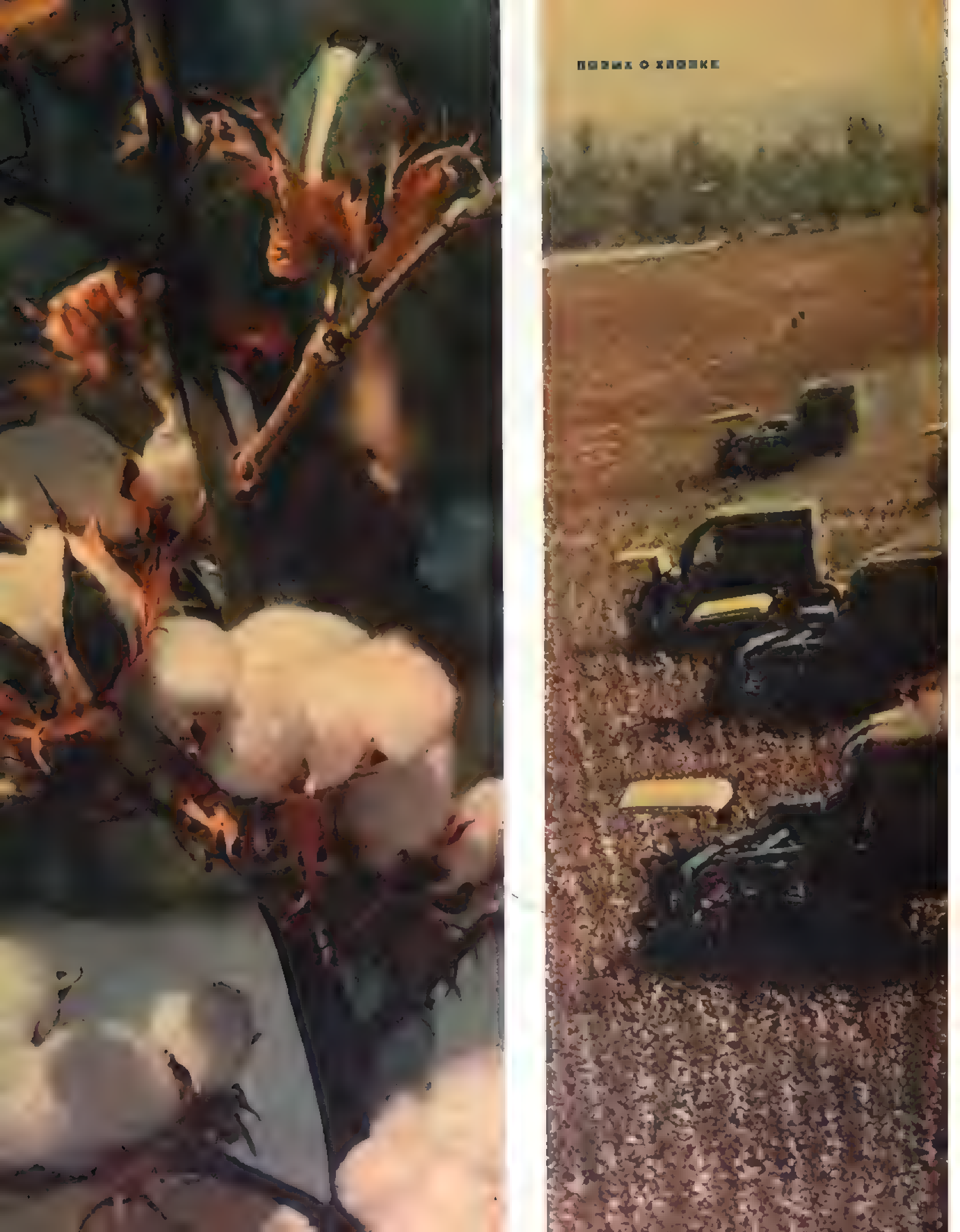
Хороша ли «пища» для полей! Лаборантки Ферганского завода азотных удобрений Мунаввара Хакимова и Надежда Кондакова ведут анализ.

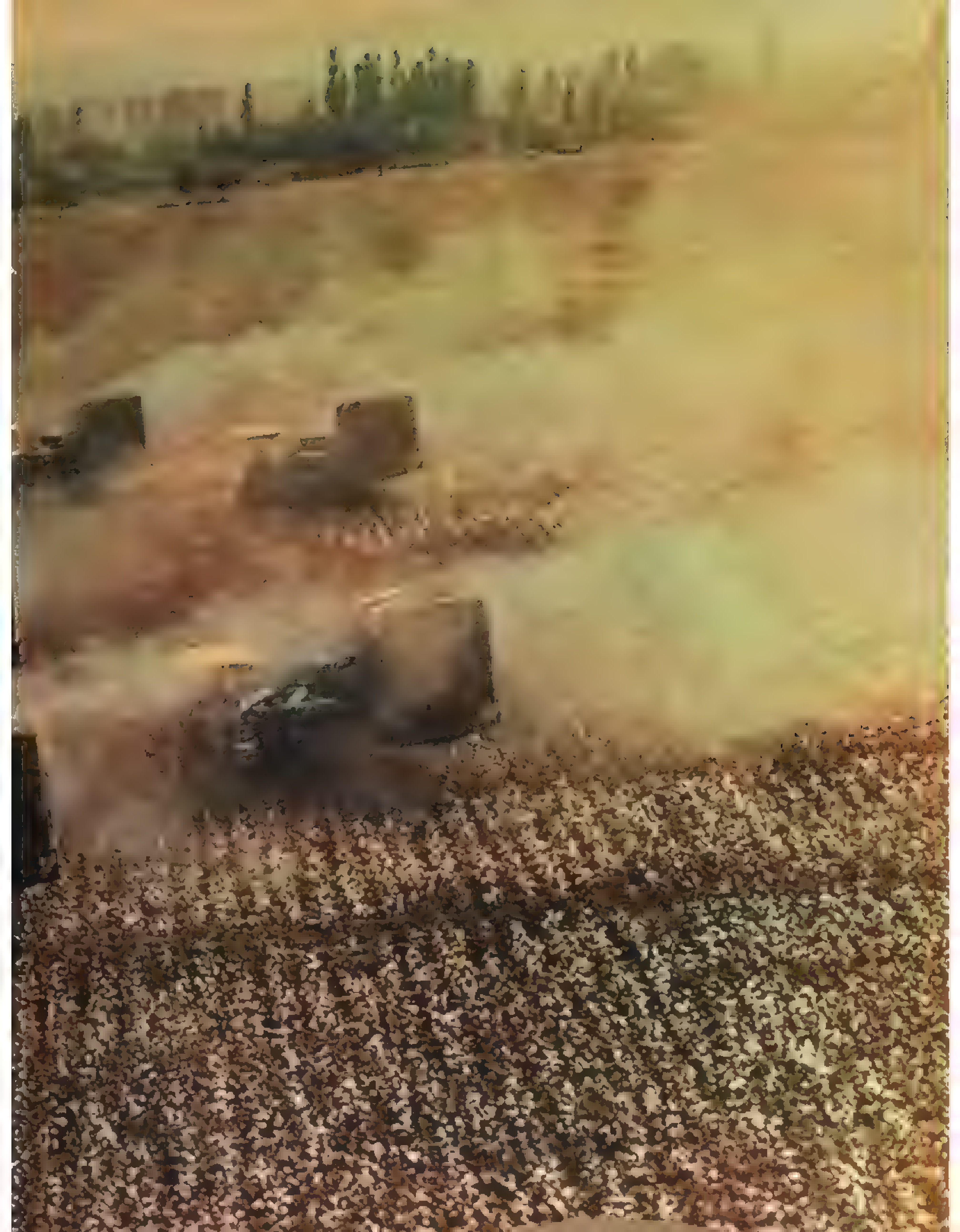

Старейшиной строителей республики называют Абдуллу Вахидова, Героя Социалистического Труда.

Еще одна новостройка республики — Наманганский комбинат костюмных и шелковых тканей из штапельного волокна.

ПОЭМА О ХЛОПКЕ

Не будем загадывать, кем станет шестиклассница Мукаррам Таджибаева — ученым или водителем хлопкоуборочного комбайна,— все дороги открыты.

званной вызвать к жизни пустыню, Каршинская степь станет новой Ферганой, новой жемчужиной советского Востока. Через четыре-пять лет двести тысяч гектаров дадут первый урожай, а через пятнадцать лет страна получит два миллиона тонн первосортного каршинского хлопка.

Размах этого проекта — как и других, что я видел в действии собственными глазами в Братске, Красноярске, возле Читы или на Урале,— отнюдь не проявление гигантомании. Он соответствует масштабам страны, строящей коммунизм.

Только новое общество способно на такие усилия, фантастические и разумные одновременно, позволяющие укротить природу и ведущие к необычайно высокому уровню благосостояния человека. Делая свое теперешнее дело, оно как бы перекликается с народным гением античной Бактрианы, Согдианы, Хорезма и других восточных цивилизаций, которым мы столькими обязаны — пшеницей, Заратустрой, алгеброй.

Абдулла-уста, или метр Абдулла

Ту же горячку, то же «строительное исступление» я наблюдал в Намангане, возле отрогов Тянь-Шаня, где сооружается ультрасовременный комбинат костюмных и шелковых тканей из штапельного волокна. Здесь будут работать 12 тысяч человек. С Турсуном Рузыбаевым, секретарем горкома партии, и Абдуллой Вахидовым, руководителем знаменитой бригады строителей, мы поднялись на крышу первого здания. Справа от нас простиралось хлопковое поле, слева — строительная площадка, где огромные грузовики для перевозки железобетонных изделий совершали свой «слалом» между бетонными балками будущих цехов. Знаменитое узбекское гостеприимство позволило мне уже во время традиционной пиалы зеленого чая ознакомиться с проектом комбината. Перспективы его дерзки. Речь идет о серии заводов, которые используют искусственное волокно. Полученное на ферганском заводе ацетатного шелка из отходов хлопка, оно будет перерабатываться в Намангане на 836 станках. Первая очередь комбината вступит в строй уже в 1966 году. Комбинат — это одно из наиболее современных предприятий такого типа во всем мире, но со своими специфическими особенностями. Крышу здесь построят в форме водного бассейна. Вода смягчит жару и поддержит нужный микроклимат.

Комбинат расположен возле гор, откуда не раз низвергались разрушительные «сели». Чтобы обезопасить предприятие и собрать излишки воды, строится специальный канал. В конце его появится озеро объемом 2 миллиона кубометров, на берегу которого рабочие будут отдыхать в санатории и заниматься спортом на стадионе, в бассейне для плавания.

Там, в Намангане, стоя на террасе, мы могли обозреть и стройку во всех ее деталях, и проспект, по которому скоро пройдут троллейбусы, и хлопковые поля, над которыми кружил самолет сельскохозяйственной авиации, и квартал новых домов, где живут каменщики, крановщики, шоферы — строители комбината.

Я говорил о строительной лихорадке. Хочу добавить несколько слов и о лихорадке цветочной. Каждая улица — это цветник в несколько километров длиной, обрамленный двумя, тремя, четырьмя рядами чинар. Это своего рода общественный сад. Его поддерживают и вносят в него свою фантазию школьники, рабочие, служащие.

Абдулла-уста («мастар» — так уважительно зовут его окружающие, а француз назвал бы — метр Абдулла) живет в старинном квартале — махалле — с узкими улочками и длинными заборами. Он встречает гостей у порога и провожает их во двор с традиционной печью для лепешек, казанами для плова, верандой, где пьют чай, и виноградной беседкой с черными, красными и золотыми гроздьями. Сидя по-турецки на ковре, мы не спеша беседовали, грызя фисташки, пощипывая виноград и закусывая свежим инжиром. Метр Абдулла разломил лепешку и предложил гостям. Если бы этой традиции не существовало, нужно было бы ее выдумать! Этот человек — сама доброта. Его взгляд не обманывает. Дружелюбием, мягкостью отмечены все жесты метра, все, что выходит из его рук,— и бесхитростные рисунки на стенах комнаты и манера, с которой он представлял нам свою жену Зульфию и свою дочь Азизу. Абдулла, мастер-каменщик, воспитал около 200 учеников, работающих на строительных площадках республики. Благодаря его терпеливой помощи, его советам семнадцать человек стали, как и он, руководителями комплексных бригад, где каждый имеет несколько специальностей. Трое из его воспитанников так же, как и он, отмечены званием «заслуженный строитель Узбекской ССР».

Абдулле Вахидову 54 года. Ему было четырнадцать лет, когда образовалась Узбекская Советская Социалистическая Республика. В пору, когда басмачи бесчинствовали на дорогах, они сводили счеты со всеми, кто строил социализм. Они вели войну даже против школ. Они спускались в долины, чтобы изгнать из школ учителей и их учеников, эти «зерна большевизма». Но сын простого сапожника Абдулла Вахидов все же окончил семилетку, а потом поступил на строительные курсы.

Сегодня он носит Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Беспартийный. Избран депутатом Верховного Совета СССР. Член Бюджетной комиссии Совета Союза, он разбирает по косточкам счета нации, определяет доходы и расходы всей страны. Абдулла Вахидов — один из самых скромных людей, которых я встречал в своей жизни. Этот каменщик знает одну всепоглощающую страсть. Когда он возвращается со строительной площадки, у себя дома он снова... строит — то ли перекладывает печь, то ли сооружает пристройку к дому...

Пример интенсификации

Примерно в тысяче километров от Намангана, в Хорезмском оазисе, та же страсть — созидать — заставляет людей поднимать целину, переделывать землю. В Ургенче я встретил одного из отцов тамошней ирригационной системы. Это Джума Аташев, заслуженный ирригатор Узбекской ССР. Он уже на пенсии, но, несмотря на свои годы, постоянно возвращается на «поле боя». Аташев посещает колхозы и пишет научные труды. Мы разговорились за пловом у Сатыма Календарова, председателя колхоза имени Ленина, колхоза, который выращивает хлопок и непрерывно проводит мелиорацию своих земель. Вот ее результат: 33 центнера хлопчатника с гектара — такова была средняя урожайность по колхозу в 60-м году. Урожайность последовательно нарастала: 34,7—35,3—37,5 до 45 в нынешнем году. Это только один пример интенсивного ведения хозяйства в Хорезмской области, сумевшей за последнее десятилетие удвоить урожай благодаря целеустремленной системе мер, направленных на рассоление почвы.

Земля здесь очень богата. Она может давать в год по два урожая разных культур. Но одного орошения мало. Если даже в добрых намерениях дадут ей слишком много воды, то это приведет к подъему грунтовых вод и засолению почвы. Когда-то это убивало поля. Поэтому ведение сельского хозяйства здесь больше, чем где-либо, должно подкрепляться наукой, а оросительные системы должны сочетаться с системой дренажа, уменьшающего засоление. Это делается, и это приносит желанный успех.

Его величество хлопок

Хлопок царствует в Узбекистане безраздельно. Это неумолимый тиран в пору уборки. Города и кишлаки пустеют, караваны автобусов и грузовиков отвозят на плантации добровольцев хлопкового фронта — мужчин, женщин и даже детей. Отправка на хлопок — своего рода праздник. В Ферганской долине я видел женщин, которые танцевали во время отъезда под звуки бубна.

Хлопок — это дело всех, а не только хлопкоробов. Каждый считает делом чести внести свой вклад в сбор урожая. В Хиве хранитель музея покинул нас, чтобы присоединиться к бригаде горожан-добровольцев. В Наманганском аэропорту летчики и стюардессы с гордым видом рассказывали, сколько килограммов хлопка они собрали. Каждое утро жители Узбекистана открывают газету, чтобы прежде всего прочитать оперативную сводку с хлопкового фронта.

Все эти люди подвязывают себе на шею канар—фартук—и углубляются в поле, срывая с каждого куста несколько белоснежных горстей, выглянувших из раскрытых коробочек. Когда канар наполнится хлопком, его относят на весы. Опытный дехканин может собрать до ста килограммов сырца в день. Горожане умудряются сдавать по 60—70 килограммов. В конце дня, после этой работы, непривыкший человек чувствует себя разбитым.

Но, пожалуй, самое сложное заключается в том, что урожай нельзя собрать за один раз. Хлопковые коробочки созревают постепенно. На одном кусте можно увидеть сразу и цветы, и зеленые капсулы, и горсти белого золота. Поэтому уборка длится до четырех месяцев — последний урожай собирается только в декабре.

Уборка хлопка в течение веков ведется руками, требуя мобилизации всех сил, всех транспортных средств. Еще не так давно трудно было вообразить, что одним прекрасным днем уборка будет механизирована. Да и можно ли создать машину, которая, пройдя по полю, сорвет только созревшие коробочки, оставив в покое еще не раскрывшиеся? Так или иначе решение было найдено, хотя хлопкоуборочная машина еще далека от совершенства. Я видел в действии эти большие голубые комбайны. Они движутся вдоль борозд, втягивая хлопок своими щупальцами и набивая свои огромные горбы белой ватой.

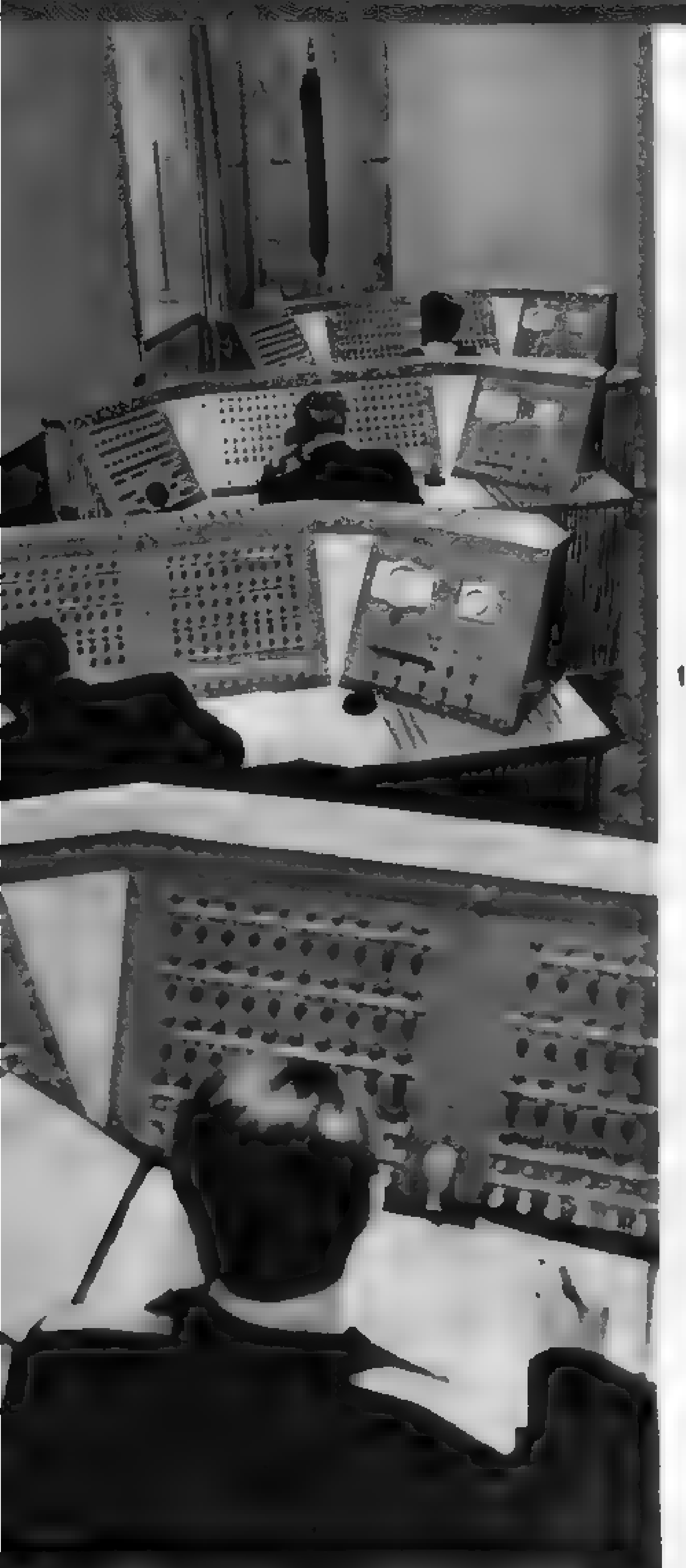
Машины собирают ныне двадцать процентов урожая. Остальное — пока вручную. И потребуется еще много усилий конструкторских бюро, машиностроительных заводов, для того чтобы усовершенствовать голубые корабли и привести в действие другие машины, более простые и более эффективные. Хлопок не будет тогда больше тираном, он станет любимым маленьким принцем.

Я был во всех четырех концах молодой социалистической республики (между прочим, мы родились с ней в один и тот же год) — в Хиве и знаменитом колхозе «Политотдел», в Ферганской долине и каршинском целинном совхозе «Аврора». Я видел народ, представителей более десяти наций — узбеков, таджиков, казахов, корейцев, русских,— живущих одной братской семьей, народ, который своему делу созидания отдается с любовью. Я говорю «с любовью», потому что это действительно так. Это действительно так, потому что все они объединены сознанием того, что строят для себя и для всех самое человечное и самое справедливое общество. Они строят дома и заводы, школы и университеты, пробивают каналы и покоряют пустыни, они роются в земле, чтобы вернуть свет исчезнувшим городам и восстановить великолепные памятники средневековья. В Самарканде я видел гончаров и керамистов, разгадавших секреты своих предков и вернувших куполам и минаретам их древнюю красоту. В древней Хиве, знаменитой еще во времена Рима, ученые и мастера разных ремесел заботятся о сохранении бесценных сокровищ столицы Хорезма, которая царила на перекрестках караванных путей.

...Сорок лет. Это много для меня, для вас. Но это очень мало для народа, судьба которого складывалась тысячелетиями. И вот теперь благодаря научному и техническому прогрессу, благодаря чудесному ускорителю, каковым является социализм, вся страна меняет свое лицо с каждым годом.

Те, кто влачил жалкое существование под ярмом необузданных стихий природы, под жестоким гнетом господ земли и воды, эти люди становятся сегодня героями нашего времени, воскресшими из старинных легенд. Фархад-строитель был любимцем народного эпоса. Фархады наших дней собирают в бывшей пустыне обильную жатву. Они открывают в земле забытые искусства и месторождения редких металлов, источники нефти и газа. Женщина освобождается от векового рабства, а мужчина освобождает себя от своей собственной «паранджи», от внутренней тюрьмы предрассудков, национализма, пережитков феодализма.

Дух захватывает при мысли о том, какой станет эта земля через десятилетие!

1. — Милиция слушает... Повторите адрес... К вам выехала оперативная группа... (Дежурный по городу.)

2. — Вас понял! Мы в квадрате «20». Прием!

Когда спит

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото Е. УМНОВА.

Лорд-мэр Манчестера, посетив Ленинград, выразил желание ознакомиться с работой «главного полицейского управления города». Первым делом он спросил:

— Сколько у вас дневных ограблений банков, контор, магазинов?

— Дневных? — переспросил принимавший гостей комиссар милиции.— От этого мы избавились. Ночью иногда бывает работа нашим оперативникам. Но ни одно преступление не остается нераскрытым...

...Грабеж сберегательной кассы произошел ночью. На место преступления выехала группа оперативных работников. Рядом с шофером — руководитель группы Виктор Ильин. Этот человек очень энергичен, характера решительного и сильного. В двадцать лет Виктор Ильин проявил столько находчивости, трезвой страсти в раскрытии преступления, что его сразу назначили оперуполномоченным отделения, а сейчас он работник уголовного розыска управления охраны общественного порядка города.

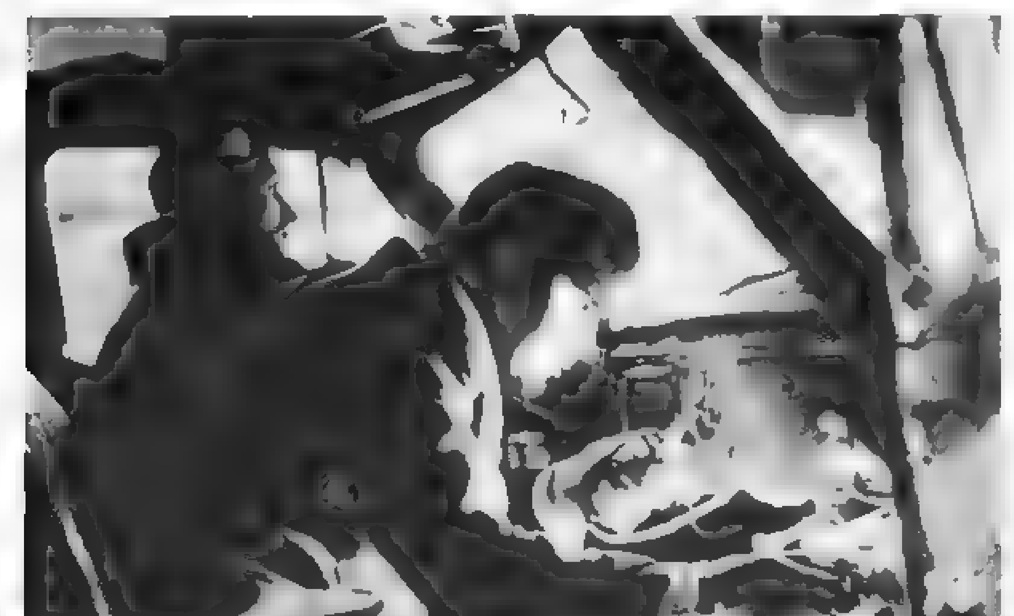
Человек с чемоданчиком на заднем сиденье — старший эксперт капитан Леонтий Романович Савельев. Тридцать лет отдано таким вот поездкам, кропотливой и очень сложной профессии эксперта. Машина резко затормозила у подъезда. На место происшествия первым вступает Л. Р. Савельев. Таков закон.

Эксперт должен ответить на вопрос: при каких обстоятельствах и какими орудиями взломана дверь.

Капитан нацеливает фотоаппарат на скважину в замке. Ильин тоже работает. Присев на корточки, он внимательно осматривает вмятины на двери.

Ничто не оставлено без внимания, ничто не упущено. Все пригодится, когда улики будут собраны

5. — Я Марс! Нахожусь на Московском проспекте. Веду наблюдение. Прием! (Старший лейтенант В. Ильин.)

6. — Жаль! Плохой отпечаток... (Майор А. Гвоздарев.)

3. — Да! Опытная рука... (Капитан Л. Савельев.)

4. — Возглавить операцию поручаю Ильину. (На совещании у полковника Н. Смирнова.)

город

воедино. На помощь Ильину и его товарищам придет совершеннейшая техника...

...Виктор Ильин заходит в научно-исследовательский отдел. Здесь на самые трудные вопросы ответит ас экспертов Алексей Петрович Гвоздарев. В годы войны фашисты за голову этого человека давали сто тысяч марок. Он командовал партизанским отрядом в Арденнах, участвовал в рядах бельгийского сопротивления.

И вот уже из разрозненных деталей, улик рождается версия преступления, портрет человека, который мог его совершить. Становятся известны и его связи.

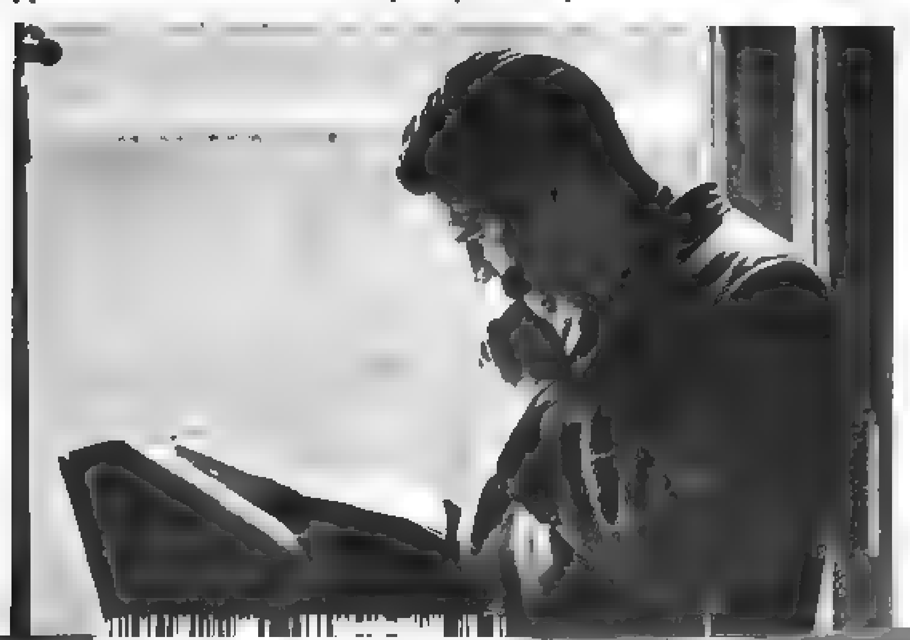
На совещании у полковника Николая Владимировича Смирнова уточняются детали предстоящей операции.

— Ни пуха ни пера,— заключает Смирнов.— Действуй, Виктор!

8. Решила всё секунда.

7. — Здесь все ясно. Надо брать. (В. Ильин.)

9. — Говорите начистоту.

Иностранная
новелла

Жорж СИМЕНОН

Французский писатель Жорж Сименон известен как автор серии детективных романов, героем которых является комиссар Мегрэ. Некоторые из них экранизированы. В кино роль комиссара Мегрэ исполняет Жан Габен.
Перу Жоржа Сименона принадлежат также автобиографические повести: «Я помню...», «Родословная» и многие другие произведения.
В 1960 году Издательство иностранной литературы выпустило в одном томе его романы «Желтый пес», «Цена головы», «Негритянский квартал» и «Президент».

Булав

олочница была уже на углу, и прежде, чем свернуть на улицу Ансеньеман, ей предстояло зайти в два последних дома. За палисадником, выкрашенным в зеленый цвет, механическая пила у Альмена подчиняла своему ритму окружающий мир, по голубому небу пробегал таинственный трепет, а неясные, едва заметные очертания на нем исчезали, как только вы пытались их разглядеть, до боли напрягая зрение.

— Нет, ты еще слишком мал,— важно объявил Дуду, хотя и самому ему было немногим больше четырех лет.

Кроме молочницы с тележкой в конце улицы и растрепанной женщины, которая стояла на пороге и, наклонившись, протягивала ей эмалированный котелок, на улице Пастера никого не было. Солнце как бы делило ее на две части — светлую и темную. Кое-где на мостовой пробивалась травка. На солнечной стороне от камней и домов исходил, казалось, такой же трепет, какой пробегал по небу.

— Был бы ты старше, я бы тебе, может, и сказал...

Что это был за секрет и почему Дуду не мог доверить его Корбьону, который был моложе лишь на год? Этого он не мог припомнить, зато все остальное навсегда врезалось в его память.

Они стояли посреди тротуара. В нескольких метрах, сквозь открытое окно кухни в подвальном этаже, в синеватом полумраке виднелась мать Корбьона, гладившая белоснежное белье.

Напротив них — кирпичная стена школы. Пройдет всего несколько минут, и ровно в десять откроются двери классов, двор наполнится тогда такими криками, что не будет слышна даже механическая пила у Альмена.

— Скажи, скажи!— приставал маленький Корбьон с длинными, как у девочки, локонами...

Дуду увидел на углу улицы Луа своего дядю Николя, направляющегося к ним. Это было событие. Дядя Николя, торговец зонтами, живший в другом городе, за сто километров, почти никогда не появлялся на улице Пастера. У него были большие усы и лысина почти во всю голову. Мать Дуду еще не закончила уборки и даже не сняла домашнего платья. Она придет в ужас.

— Не обращай внимания, Николя. Присядь на минутку, я мигом причешусь.

Визиты Николя были редкостью, и поэтому для него отворялись двери гостиной, откуда пахло мастикой. Нужно было раскрыть обычно запертые ставни, достать из буфета графинчик с водкой, которую подавали только ему.

Дуду услышал звонок. Мрачная фигура дяди скрылась в доме. Во дворе школы раздался шум: началась перемена. Засунув руки в карманы штанишек, чтобы походить на мужчину, он и думать забыл о Корбьоне и принялся бродить вокруг дома. Весной окрасили дверь, но, видно, плохо: краска потрескалась. Сквозь замочную скважину Дуду видел темный коридор и в глубине застекленную дверь кухни.

Он мог бы постучать, как обычно, но избрал обходный путь. Через два дома был узкий переулочек, в который выходили садовые калитки. И вот он во дворе. Накануне здесь стирали белье, и в лоханях еще оставалась синеватая вода. Беленые стены блестели на солнце.

— Николя, быть этого не может! — говорила мать.— Почему ты думаешь, что это он? У Шарля никогда не было автомобиля. Он даже машину водить не умеет.

Она пыталась засмеяться, но смех прозвучал принужденно. Окно гостиной было открыто. Дуду разглядел в полумраке мать и дядю. На столе лежала какая-то газета, и Николя, зажигая сигарету, сказал:

— С вокзала я пошел к нему в контору... Спросил Шарля, и служащий мне ответил, что он уже два года не работает у господина Бастьена...

— Послушай, Николя, этого быть не может! Еще утром он, как всегда, ушел в половине девятого...

Косой солнечный луч пересек комнату, осветив светлые волосы матери.

— Что ты там делаешь, Эмиль?

Она никогда не называла его Дуду. Считала, что давать прозвище детям смешно, оно за ними так и остается, и позднее они от этого страдают.

— Ступай играть!.. Я же запретила тебе входить через сад.

* * *

Она была уверена — все были в этом уверены,— что он слишком мал и не поймет. Не вынимая рук из карманов, сонно покачивая большой головой, он провел все утро на тротуаре. Дядя Николя ушел.

— Эмиль!.. Эмиль!..

Мать сказала:

— Когда вернется отец, не говори ему, что утром приходил дядя. Я тебе позднее объясню... Не скажешь?

— Нет.

За это он получил кусок шоколада. В половине первого отец показался из-за угла. Он шел, как всегда, широко шагая. Нагнулся, чтобы поцеловать сына. Вставив ключ в замок, спросил по заведенному в доме обычаю:

— Обедаете?

Жена чуть натянуто улыбалась.

— Ничего нового в конторе?

— Все то же.

— Господин Бастьен по-прежнему любезен с тобой?

— Почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Не знаю... Просто так... Он нам сделал столько подарков, что, может, мне следовало бы пойти и поблагодарить его...

Все трое ели на кухне. По ту сторону окна белая стена на дворе все еще была освещена солнцем.

— Кушай, Эмиль.

— Я не голоден.

— Съешь хотя бы мясо...

В этот полуденный час в воздухе ощущалось что-то тревожное.

— Господин Бастьен,— медленно произнес отец,— не любит излияний... Он оригинал. Он очень щедр, но если его благодарят...

— Твоя последняя поездка была в окрестности Булони?

— Что с тобой? Почему ты задаешь мне все эти вопросы?

— Ничего... Кому-то показалось, будто тебя видели в Париже...

— Кому?

— Не помню... Ешь, пожалуйста... Да это и не имеет значения... Он, верно, ошибся, ты же был в Булони... Во всяком случае, скажи господину Бастьену, что я его благодарю за несессер, который он мне подарил на прошлой неделе... Тебе не кажется, что он слишком балует нашего сына?

— Это вполне естественно. Я уже пятнадцать лет работаю у него...

В самом деле, прошло уже пятнадцать лет, как Шарль Буте поступил на службу к господину Бастьену, который был главой крупного страхового общества. Господин Бастьен был стар и богат. Вскоре Шарль Буте стал его доверенным лицом.

— Что делает твой отец?— спрашивали у Дуду.

И его научили отвечать:

— Он директор страхового общества.

Два раза в месяц Шарль Буте покидал город на три или четыре дня, чтобы посетить клиентуру в различных городах Франции.

— Половина второго! Мне пора...

Он поднялся из-за стола, вымыл руки, надел котелок и взял портфель.

— До вечера... До вечера, Дуду.

— Не забудь поблагодарить от моего имени господина Бастьена...

Едва закрылась дверь, как мать разрыдалась, опустив голову на неприбранный стол.

— Только не говори отцу, что я плакала. Ты еще не можешь понять... Когда станешь старше...

* * *

Она гладила на кухне, так же как и госпожа Корбьон утром.

Окно во дворе было открыто, тени переместились. Дуду, сидя на земле, играл разноцветными кубиками, когда услышал звонок. Будильник на камине показывал без десяти пять.

— Входи, Николя. Входите, сударь...

Это был незнакомый Дуду человек, очень толстый, с лиловатыми щеками, он тяжело дышал. Мать провела его и дядю Николя в гостиную.

— Ну что?

— Как раз то, что я думал,— ответил Николя.— Уже два года, как твой муж взял расчет у хозяина, заявив, что он получил небольшое наследство и хочет работать на свой страх и риск.

— Почему он мне ничего не сказал? Извините, сударь, я так взволнована!

Она тяжело вздохнула. Однако все же вспомнила, что нужно снять белый передник и зайти в кухню — убедиться, не оставила ли она горячий утюг на столе.

— Пойди поиграй, Эмиль.

Дядя Николя продолжал:

— Господин Жиль проследил за ним... Шарль сел в трамвай и поехал за вокзал, в маленькое кафе, где он играет на бильярде.

— Но он никогда не играл на бильярде!

— Теперь играет. Чуть ли не каждый день.

— Николя, это невероятно! А деньги?..

Мужчины поглядели друг на друга. Дуду

еще не знал, что толстяк — комиссар полиции

— Вот именно, сударыня. Это-то и нужно выяснить. Что ж касается фотографии..

Он вынул из кармана газету. Такую же газету дядя Николя показывал утром

— Узнаете вы этот серый костюм?

Она растерянно улыбнулась.

— Мой муж никогда не носил серого костюма. Профессия обязывает его постоянно ходить в темном...

— А шляпа?

— Нет, сударь... С тех пор, как я его знаю, он носит только котелок. Изредка летом, в деревне, панаму..

— И все же это он, не так ли?

— Или что-то очень на него похожий...

— Да нет же, Софи,— вмешался Николя. — Ты отлично знаешь, что это он! Невозможно, чтобы два человека...

Между ними на столе лежала парижская газета; ее первая страница была богато иллюстрирована. Под одной из фотографий — подпись:

«Вчера начала действовать новая система сигнализации».

Фотография перекрестка на Больших бульварах. Машины остановились по сигналу. На переднем плане, за рулем открытой машины,— Шарль Буте или, во всяком случае, кто-то, как две капли воды, похожий на него.

— Ты не можешь куда-нибудь отправить малыша?

— Эмиль... Пойди поиграй, я тебе уже говорила... И оставь в покое газету! Извините, сударь, я делаю все возможное, чтобы хорошо его воспитать, но...

— Это папа..

— Что ты болтаешь? Иди играть! Дай взрослым поговорить и...

— Это папа.

Комиссар добродушно нагнулся

— Почему ты думаешь, что это твой папа?

— Потому, что это он.

— Но у твоего папы нет машины.

— Это папа...

— Может быть, это кто-нибудь, кто похож на него, но не он...

— Давно?

— Немногим больше года... Ему всегда хотелось иметь булавку в форме подковы, инкрустированную крошечными рубинами. И его хозяин...

— Господин Бастьен подарил ему ее год назад?

Она покраснела и стала рассматривать в лупу первую страницу газеты

— Что вы собираетесь делать?— спросил несколько смущенный дядя Николя.

И чего ради он вмешался в то, что его не касается? Зачем обратился к полицейскому комиссару?

В котором часу возвращается ваш муж?

— В половине седьмого. Его контора закрывается в шесть. Словом, он должен уйти с работы в шесть часов... Теперь я уж не

Шарль Буте немного замедлил шаг. Затем вынул ключ из кармана и повернул его в замке.

— Пойди поиграй, сынок...

— Папа ..

— Что?

— Ничего.

Дуду не мог выразить, что он чувствовал. Ему было грустно. Он испытывал угрызения совести, даже не сознавая, почему. Вспомнил о воскресных утренних прогулках, когда они вместе с отцом ходили в кондитерскую покупать традиционный торт.

Дуду мог попросить все, что хотел: кегли, конфеты, игрушку.

— Тсс!.. Подожди несколько дней. И не говори маме.

Это «не говори маме» было таким же

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

КА В ФОРМЕ ПОДКОВЫ

Уши Дуду стали пунцовыми; он как бы бросал вызов взрослым:

— Это папа!

— Эмиль, я тебе еще раз говорю, ступай играть с маленьким Корбьоном .

— Одну минуту, сударыня... Почему ты так уверен, что это папа?

— Из-за его булавки..

— Какой булавки?

— Булавки для галстука. Он как раз надел ее сегодня в полдень...

Остальные не заметили этой детали, такой мелкой, что на фотографии она казалась лишь белым пятнышком в форме подковы.

— Вы понимаете, сударыня, что хочет сказать ваш сын? Может, у вас найдется лупа...

— Мне кажется, что она лежит в шкафу...

Проходя, она толкнула мальчика

— Какую булавку для галстука надел сегодня ваш муж в полдень?

— У него только одна, господин комиссар..

знаю... Ради бога, Эмиль, ступай играть! .

— В таком случае, если разрешите, я его подожду. Когда он придет, ничего ему не говорите. впрочем, скажите, что его ждут в этой комнате .

— Мне пора ехать на вокзал,— сказал Николя, вставая.— Моя бедная Софи, я и впрямь задаю себе вопрос... Если случится что-нибудь серьезное, телеграфируй мне и...

Взрослые играли в кегли возле ручья; теперь солнце освещало только второй этаж и крыши домов. Дуду, наблюдавший за игрой, отошел, когда увидел отца на углу улицы, он, как всегда, побежал ему навстречу, а затем зашагал с ним рядом, ухватившись за его руку.

— Почему ты мне никогда не показывал свою машину?

— Кто тебе рассказал об этом?

— Дядя Николя и комиссар... Я сразу же узнал твою булавку для галстука.

— Он в доме?

— Кто?

— Комиссар.

— Да. .

традиционным, как воскресный торт. Действительно, несколько дней спустя Шарль Буте, словно чего-то стесняясь, приносил игрушку

— Господин Бастьен, чтобы отблагодарить меня за сверхурочную работу, просил передать это малышу...

Каким образом господин Бастьен так безошибочно угадывал все желания Дуду? И почему отец подмигивал ему, словно советуя: «Главное — ничего не говори маме!»

В коридоре никого не было. Буте повесил пальто на вешалку

— Позови маму

Дуду открыл дверь в гостиную. В кухне плакала мать.

— Ты ему сказал что-нибудь?

— Сказал, что узнал его булавку...

Негромкий шум голосов. Дверь снова отворилась.

— Софи! Зайди на минуту!

И дверь в гостиную оставалась запертой около часа. Фасоль пригорела на огне. Окно

все еще было открыто, но со двора теперь веяло влажной прохладой.

* * *

— Что вы скажете, господин Буте?

— Я знал, что это когда-нибудь случится. Мне всю жизнь не везло. .

Он был высок и недурен собой, белокур; черты его лица были расплывчаты, как на чуть выцветшей фотографии. Он повернулся к жене и, запинаясь, сказал:

— Прости меня..

Она уже так наплакалась за день, что только тяжело вздыхала и вытирала глаза концом передника

— У вас в Париже комната?

— Я снимаю меблированную комнату возле Северного вокзала, на улице Мобеж. .

— А автомобиль?

— Приобрел его месяц назад.

— Для чего?

— Потому что мне давно хотелось иметь автомобиль

— У вас была и любовница?

Он покраснел и покачал головой

— Настоящей любовницы у меня никогда не было...

— Лучше во всем сознаться, Шарль!

— Это правда. У меня никогда не было настоящей любовницы... Не в этом дело...

— Стало быть, два года назад вы не получали никакого наследства?

— Не получал.

— Откуда вы брали деньги для этой двойной жизни?

— И сам не знаю, как это вышло...

— Объяснитесь.

— Все очень просто, господин комиссар Я еще раз прошу прощения у жены... Я очень мало зарабатывал у господина Бастьена .. Он ко мне благоволил... Повторял это без конца, но не догадывался прибавить жалованье.. Думаю, что ему невдомек, как трудно прокормить семью... И вот почти ежедневно я стал утаивать маленькие, совсем маленькие суммы.. Я ведал кассой. . Господин Бастьен почти никогда не бывал в конторе, не занимался делами Это было нетрудно... Пять франков... Десять франков... На это можно было принести домой пирожное, игрушку ребенку, купить сигареты даже сигару. Возвращаясь, я говорил

— Господин Бастьен дал мне это..

И жена верила

Она вновь расплакалась и закрыла лицо руками.

— Видите ли, я не стремился изменить образ жизни, просто хотелось жить немного лучше, покупать то, о чем мы всегда мечтали, но не могли себе позволить... Это превратилось в своего рода манию. Я брал также вещи, ненужные вещи... Все чердаки у господина Бастьена забиты ими, он даже не знает о том, что они у него есть, а мы так о них мечтали!..

— Шарль!

— Да, это так.. Три раза за то время, что я служил у господина Бастьена, он получал наследство от теток и дядей, которых едва знал. Я должен был составлять описи, разбирать все..., Бювар в нашей комнате...

— Шарль!

— И некоторые другие вещицы... Это могло длиться долго, всю жизнь... Но тут он получил наследство от тетки Грегуар из Буржа, я обнаружил различные ценные бумаги и облигации, они даже не были упомянуты в описи... Я взял одну облигацию стоимостью в триста франков... У меня не было никакого заранее обдуманного намерения... Ну, а спустя несколько месяцев на нее пал выигрыш в пятьсот тысяч франков.

— Вы получили эти деньги?

— С этого-то все и началось. Я не мог их тратить... Не мог ничего купить жене и сынишке... Несколько месяцев я еще продолжал ходить в контору. Приносил подарки и говорил, что их посылает господин Бастьен... Я томился... Я был богат и продолжал жить, как мелкий служащий .

Встречая людей на улице в служебные часы, я часто думал как они счастливы, что могут полностью располагать своим временем...

Тогда, чтобы жить так же, как и они, я оставил службу .. Но жена ничего не должна была узнать. Я стал развлекаться один. Принялся играть на бильярде.. Посещал маленькие кафе, расположенные вдали от центра города ..

Когда в доме чего-нибудь не хватало, мне приходилось прибегать к хитрости, чтобы заставить поверить, будто я приношу подарок от господина Бастьена...

Утро было самым тягостным, потому что я не знал, куда деваться У меня не было партнеров для игры в карты... И однажды я поехал в Париж. . Снял комнату... Купил другую одежду... Ходил в кино, в театр, но клянусь, что это не приносило мне радости! И теперь я даже доволен, что все кончилось... Прошу жену простить меня... Я прошу прощения у господина Бастьена.

Он опустил голову, готовый к самому худшему ..

— Я знал, что это долго не продлится, что я попадусь. Но что было делать?

— Вы готовы повторить ваши признания судебному следователю?

— Когда прикажете?

— Шарль! Как ты мог?

В кухне, на полу, маленький человечек тщетно старался заняться кубиками; запах сгоревшей фасоли раздражал его.

Он увидел, как отворилась дверь. Комиссар был очень вежлив.

— Раз вы согласны, нам лучше всего пойти вместе. .

В коридоре Шарль Буте повернулся к застекленной двери кухни.

— До свидания, сынок! — крикнул он.

— Папа!

Но мужчины уже уходили, и мать, подняв ребенка на руки, запинаясь, говорила:

— Твой отец ушел .. Мы остались вдвоем надолго..

Что-то мокрое и соленое на его щеках. Люди у порогов на улице. Необычный вечер в опустевшей квартире

— Куда он поставил машину?

Не нужно говорить об этом.

— Почему?

Новая точка на карте...

ЯБЛОНИ У КРАТЕРА

Николай БЫКОВ

Фото А. ГОСТЕВА.

История эта теперь известна всем, но она похожа на легенду. Над морем выгоревшего на солнце ковыля летел самолет. Обычный рейс. Почта, малогабаритный груз. Где-то на полпути к Аманкарагаю заметалась компасная стрелка. Белый, слепящий шар солнца висел перед летчиком. Север и юг оставались на месте. Катились под крылом белые волны ковыля. А стрелка компаса все не могла успокоиться . И так не первый уже раз — так каждый раз со дня открытия авиапочтовой линии. И вот Аманкарагай — «Здравствуй, черный лес». Только здесь замерла стрелка компаса. А что же с ней было несколько минут назад? Несколько километров назад?..

Это похоже на легенду. В выжженной степи южнее Кустаная вскоре открыли богатейшее Соколовско-Сарбайское месторождение железной руды. Гигантские пласты ее волновали, сбивали с пути компасную стрелку маленького почтового летуна. Руда выходила почти к дневной поверхности. Летчик местной авиалинии был щедро вознагражден за находку. В степь пришли геологи.

Это похоже на легенду. Среди зеленых полей, раскинувшихся от горизонта до горизонта, поднялись гигантские земляные валы. Вскрыша. Серые и рыжие мертвые отвалы кольцом окружают железную чашу рудничного кратера. На дне кратера — железнодорожные пути и автострады. На террасах урчат бульдозеры экскаваторы. Много бульдозеров, экскаваторов. Свистят электровозы, воют моторы, раскручиваются лебедки, грохочет руда, ссыпаясь из стальных ковшей на стальные платформы. Клубится зной в чаше кратера, идет руда. А за отвалами, за мертвой, блеклой вскрышей, под тем же слепящим солнцем — яблони, яблони. Это Рудный, город у железного кратера. Город, похожий на легенду.

* * *

Мальчишки Рудного любят гонять мяч, отбиваться ракеткой от воланчика, нырять до синевы в Тоболе, уходить с удочками на дальние озера, толпиться у автоматов с «газ-водой», искать в альпинистов на отвалах рудника. Но больше всего они любят лазать по деревьям. Деревьев здесь не было. Никогда. Были палатки изыскателей, бараки строителей, были праздники первой улицы, новые котлованы и новые заборы. А деревьев не было. И вот их привезли. На улицах города зашумели тополя и березы, акации и яблони. И снова — тополя, тополя, самые неприхотливые, самые живучие из зеленого племени. Мальчишки не трогают яблонь, молча проходят мимо слишком нежных берез, рвут стручки акаций и со свистом лазают по тополям. В степном городе это самое приятное занятие.

* * *

Рудный — большой город, очень красивый, уютный, быстро обжитый. Как-то умело строящийся. И все же это очень молодой город. Его яблони цветут впервые, его жители еще не забыли палаток и охотно показывают те места, где палатки эти выгорали на солнце. Бились на ветру зеленые паруса романтиков. Правда, не было такой, как сейчас, гостиницы, зато мест для приезжих сколько угодно. Там, где ныне достраивают театр,— на центральной площади, был палаточный городок. Живи — не хочу. И жили, а таких, чтобы «не хочу», почти не было. Молодежь!..

И сейчас в городе среди жителей почти семь тысяч комсомольцев, и сейчас здесь средний возраст горожан — двадцать пять лет, а тогда... В городском музыкальном училище мы познакомились с Галей Бабенко. Ей всего двадцать два, но она уже «не успела» пожить в палатке; зато жила там ее старшая сестра, Лида, диспетчер стройки, а ныне крановщица на обогатительной фабрике. К ней-то и приехала Галя в пятьдесят восьмом, сразу после получения аттестата зрелости. С комсомольской путевкой в кармане лыжных брючек. Галя скоренько окончила курсы крановщиц и, как матрос на мачту каравеллы, взобралась однажды в кабину кра-

Старший машинист шагающего экскаватора Мухамед Калимов...

...и его «ЭШ-15/90».

на. Рудный кратер, жуки-экскаваторы и четкие клетки фундаментов будущего города — вот что увидела девушка за пыльными окошками своей высокой кабины.

Душа девчонки пела! И потому, что сбылась мечта, и потому, что она всегда у нее поет, душа Гали Бабенко. Она на кране встречала солнце — и зимнее, стылое, и весеннее, почти такое, как дома, на Житомирщине, и злое, летнее, и осеннее, румяное, как полновый каравай. Плыла стрела, плыла бадья с бетоном. Бил ветер молоточками по струнам тросов, бежала, звенела над головой каретка.

А познакомились мы с бывшей крановщицей Бабенко в музучилище. Завтра экзамен.

— Солидол еще с рук не отмыла, а тут канифоль...— Галя волнуется, прячет сильные свои руки. Лицо очень уж обветрено. Это надолго, наверное, навсегда. Вьющиеся волосы схвачены ленточками, разбиты на две косички. Большой белый отложной воротничок, большие глаза. А пальцы рук чуткие. Как у крановщицы, как у виолончелистки.

— Виолончель выбрала... Почему? Звучание красивое. Как ветер в стропах или проводах...

Она играла еще неумело, но терпеливо, повторяя гаммы вновь и вновь. И даже когда мы шли по улице, то нам все слышалась ее виолончель. Это пел ветер в проводах и яблонях.

* * *

Стучали тяжко на стыках колеса медленных эшелонов, уползающих в степь. Руда шла и шла — в Сибирь, на Урал. Уличный плакат напоминал, что в 1957 году добыча составила 107 тысяч тонн, а в 1965 проектном году она составит 26,5 миллиона тонн! Рудокопы Рудного начнут черпать железо на полную мощь.

На руднике малолюдно. Машины, машины, машины. Людской поток обрывается возле рудника, там, где поднялась новая всесоюзная комсомольская стройка — вторая очередь обогатительного комбината. Здесь уже действует первая в стране фабрика по производству так называемых окатышей.

Окатыши — это обогащенная руда. Их делают, чтоб не возить к металлургам пустую породу. Окатыши позволят повысить производительность доменных печей на 50 процентов.

— Раньше зерна руды спекали, получали конгломерат,— рассказывает инженер Сабир Жантемиров,— но конгломерат при погрузке и разгрузке мелется в порошок, хоть снова спекай. Получался замкнутый круг... На наших окатышах будет работать новая домна в Новокузнецке. В нашем деле революция.

Должность Сабира — всякое новшество: он заместитель главного инженера по новой технологии. Хорошая должность — быть проводником прогресса! В Рудном впервые массово применили шагающие экскаваторы на отвалах. В октябре 1960 года.

— Думаем еще освоить гидромеханизацию на размыве породы...

Сабир долго говорил о руде, о всяких новшествах и процентах, а я думал о виолончели бывшей крановщицы Гали, о зеленых палатках и о беспокойстве компасной стрелки...

И это все тоже было похоже на легенду. Легенду о цветущих яблонях у степного кратера.

На следующий день трое мужчин вместе с задыхавшимся комиссаром обыскивали дом, разворошили даже белье в шкафах.

— Ступай играть, Эмиль!

Улица, разделенная надвое границей света и тени.

Корбьон был слишком мал, чтобы понять.

— Почему увели твоего папу?

— Потому что он украл!

— Он украл машину...

— Жожо! Жожо! Возвращайся сейчас же!

Госпожа Корбьон подозвала сына и отругала его:

— Ведь я сегодня утром запретила тебе играть с этим мальчишкой!..

* * *

Большой пробел в памяти. Воспоминания детства не всегда следуют одно за другим. Переезд. Поезд. Новый город. Квартира из двух комнат на более узкой улице, где ощущается бедность. Школа. Но это уже не та школа со стенами из розового кирпича, во дворе которой дети веселились на переменах. Кругом заводы, и не слышно знакомого шума механической пилы Алькена.

Год... Два года...

Однажды, выходя из школы, он увидел какого-то мужчину с короткой бородой, покрывавшей весь подбородок, и с грустными глазами. Тот поджидал его.

— Ты меня не узнаешь?

Он устремил на него глаза.

— Папа!

— Скоро мы переедем на другую квартиру. Мама больше не будет уходить на работу.

— А машина?

— Машины уже нет... Понимаешь... Машины никогда не было... Слушался ли ты маму, пока я был в отъезде?

— Да...

Но они не жили больше в своем городе, на своей улице, с игрою света и теней, со знакомыми звуками. И пригороды здесь были другие.

— Чем занимается твой отец?

Ему хотелось бы ответить:

— Он директор страхового общества...

Но это было не так. Что делал отец? Он менял профессии. Менялся дом. Порой вспыхивали споры.

— Когда человек способен совершить то, что совершил ты...

Вот почему воспоминание об улице Пастера, когда однажды утром, незадолго до перемены в школе, молочница уже подходила к концу улицы и дядя Николя заворачивал за угол, осталось таким ярким.

— Что делает твой отец?

Дуду гордо отвечал.

— Он б ы л директором страхового общества. У него б ы л а машина...

И булавка для галстука в виде подковы, в которую были вставлены крошечные рубины!

А по воскресным дням, ухватившись за руку отца, он ходил в кондитерскую Монтюссье покупать традиционный торт, который потом бережно нес за красную ленточку...

— Позднее поймешь! — повторяли ему.

Перевела с французского
В. Файнштейн.

В. И. Францев и Л. М. Артамонова с Наташей.

Фото Е. Умнова.

Будь здорова, Наташа!

У этой фотографии своя трогательная история. В редакцию пришла молодая женщина и спросила:

— Где тут клуб «Здоровье»?

Ей показали. Она вошла в комнату и... заплакала.

Много горестных писем в почте нашего клуба. Бывает, что родственники больных и сами приходят в редакцию. И вот одна из таких.

— Что с вами? Кто болен? Какая беда стряслась?

Женщина не ответила, а протянула два листка ученической тетради. Мы прочли: оказывается Нина Федоровна Сорокина плачет не с горя, а с радости.

Наташку нашу спасли... На смерть была обречена... Семь лет, крохотуля... Сердце оперировали... Такая редкая операция!

Два листка ученической тетради были полны слов душевной благодарности супругов Сорокиных из Липецка в адрес врачей отделения сердечно-сосудистой хирургии Московского областного научно-исследовательского клинического института. Читаем фамилии: доктор медицинских наук В. И. Францев, кандидат медицинских наук Л. М. Артамонова, доктор Д. Н. Гориленко и анестезиолог кандидат медицинских наук В. Ю. Островский.

Операция действительно оказалась из таких, о которых принято говорить: редкая. Когда начинали оперировать, то казалось, все будет просто — у Наташи был врожденный порок сердца: между левым и правым предсердием имелось отверстие. Само по себе обстоятельство пренеприятнейшее, но врачи уже научились устранять такой порок. В ходе же операции — неожиданный сюрприз: обнаружен еще один серьезнейший порок — недоразвитие грудной аорты. Хирурги принимают решение оба порока устранить сразу, один за другим. Зашили отверстие и наложили обходной «канал» из лавсана между подключичной артерией и грудной аортой.

Три напряженнейших часа у операционного стола принесли победу над тяжелыми недугами маленькой девочки.

Хорошего здоровья тебе, Наташа, новых успехов вам, дорогие товарищи хирурги!

МАЛЬЧИК С «ПИОНЕРА»

В один из осенних дней военного 1942 года судно «Пионер» доставило в Сухуми ленинградских детей. На палубу поднялось много жителей города, и Леля Киут среди них. Она тогда служила вольнонаемной в одной из расквартированных в Сухуми воинских частей.

Детей кормили. Один малыш, прозрачный от голода, стоял в стороне и безучастно смотрел, как едят его товарищи. Сбившиеся с ног, сами еле живые, воспитательницы, видимо, забыли о нем.

Леля спросила мальчонку, как его зовут.

— Генка,— ответил он.

Девушка взяла Генку на руки. Есть он не стал. Обвил руками Лелину шею, прильнул к ней и уж больше не отрывался. Так она и ушла с ним в часть.

Ровно через сутки над Сухуми появились фашистские самолеты, и какой-то стервятник избрал мишенью пароход с детьми. Все ребята погибли.

А еще через несколько суток местные части получили приказ выступить в горы. Горнострелковые отряды фашистов уже карабкались с севера на вершины Главного Кавказского хребта.

Леля отвезла Геннадия в абхазское село Киндги, к своим родителям, а сама поднялась с войсками на Клухорский перевал. Так Гена попал в ласковые руки семьи Киутов, старшим среди которых был дед Мамсыр. Он слыл мудрейшим стариком среди абхазцев, населяющих левобережье реки Кодори. Именно ему общество поручило произнести приветственную речь на сходе, посвященном установлению Советской власти в этих местах. Тогда уже Мамсыру было более 130 лет...

Маленького белобрысого ленинградца отмыли, накормили. Купили ему русскую теплую шубенку и шапку. Вместе с дедом Мамсыром сфотографировал его в 1942 году оказавшийся в Киндги фронтовой корреспондент Семен Коротков.

Прошло 22 года. Дед Мамсыр уже лежит в земле. Могила его у дороги, рядом с домом. Отец Гены Дадин и мать Душна ушли на пенсию. Леля сейчас работает библиотекарем.

Гена вырос настоящим абхазцем, сельским пареньком. Он окончил Киндгскую среднюю школу, прошел службу в армии, учился на курсах механизаторов сельского хозяйства и теперь управляет новой замечательной машиной «Сакартвело», которая убирает с плантаций чай. Теперь он глава семьи и продолжатель рода Киутов.

И. МЕСХИ

Геннадий Киут.

Фото С. Короткова.

Дед Мамсыр с внуком Геной 1942 год.

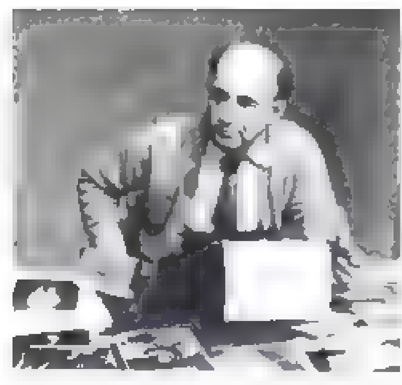
КНИГА НЕМЕЦКОГО ДРУГА

Всю зиму в комнате, где за книжными стеллажами не видно стен, по вечерам стучала пишущая машинка. На столе лежала раскрытая книга. Иногда стук замолкал: Александр Андреевич Сарапкин глубоко задумывался о прошлом.

...Ноябрь 1941 года. Весь день заключенных лагеря «Нейенгамме» поливал дождь. Сверху — вода, снизу — тоже вода: тысячи узников строили канал. Большинство — немецкие антифашисты, и среди них узник № 4123, электрик Ганс Бекер. И никто, ни нацисты, ни товарищи по бараку, не знал, что под этим именем скрывается Зепп Хаан — один из старейших немецких коммунистов, человек, лично знавший Ленина, соратник и ученик Клары Цеткин, Эрнста Тельмана. Много лет провел Зепп Хаан в тюрьмах: годы каторги в кайзеровской Германии, снова тюрьма после падения Баварской Советской республики, концлагерь в гитлеровском рейхе... Дерзкий побег, и снова концлагерь. Никогда не сдавался, всегда боролся старый немецкий коммунист!

...Этот ноябрь памятен и для Александра Андреевича. Захваченный гитлеровцами в плен, капитан Сарапкин обдумывал планы побега.

Не знал тогда Сарапкин, что бесконечные переводы из одного лагеря смерти в другой сведут его с узником № 4123. Познакомились они в конце войны, когда А. А. Сарапкин был выделен связным между подпольной группой советских военнопленных и лагерным немецким центром сопротивления — его возглавлял Ганс Бекер. Настоящее имя Бекера Сарапкин узнал потом, после восстания в лагере и освобождения...

А. А. Сарапкин переводит книгу немецкого друга

В Зонсенхаузене Ганс Бекер, входя во внешнюю команду лагеря на заводах «Хейнкель», возглавил большую, тщательно законспирированную подпольную группу. Она выводила из строя оборудование завода, под боком у гестаповцев устроила подпольную типографию, где печатались антифашистские листовки, которые затем переправлялись в Берлин, спасала заключенных от газовых камер... Зеппу Хаану удалось даже организовать подпольную радиостанцию. Узники похитили авиационный передатчик, и многие месяцы дважды в неделю им удавалось вести антифашистские передачи из... концлагеря.

С Зеппом Хааном А. А. Сарапкин не раз виделся и в послевоенные годы.

Два года назад в ГДР вышла книга Зеппа Хаана. Она называлась «Внешняя команда заводов «Хейнкель» и рассказывала о мужестве узников фашистского концлагеря, их подпольной борьбе против нацистов. Одним из первых получил эту книгу от автора коммунист Сарапкин, инженер, житель города Каменск-Уральского. Александр Андреевич решил перевести книгу немецкого друга на русский язык, познакомить с ней советских людей. Отрывая время от сна и отдыха, работал Сарапкин над переводом. Книга была опубликована в журнале «Урал», а недавно вышла отдельным изданием. Ее русское название «Безмолвная схватка».

С волнением читаешь записки [redacted] фашистского узника-коммуниста. Они сильны своей правдивостью, строгой документальностью, пронизаны чувством пролетарского интернационализма. Это яркий рассказ о людях, которые победили смерть.

А. ГРИГОРЬЕВ,
собкор «Огонька»,
Ю. ТЕМНИКОВ

М. Горюшкин-Сорокопудов. ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

ЗИМА

И. Горюшкин-Сорокопудов. ДЕВОЧКА С ЯБЛОКАМИ

Героическая поэзия

Миколе Бажану — шестьдесят лет. Из них свыше сорока отдано литературе. Перед нами — большая дорога труда, творчества, упорных поисков.

Первая страница творческой биографии поэта открывается стихами «Семнадцатого патруля» — книгой романтических баллад, с которых поэт начинает поиски своего героя. Его черты мы угадываем в образах красных конников, в бойцах легендарного пятого полка, в людях прямого революционного действия. Они знают только одну дорогу — вперед, живут для народа и могут сказать о себе:

И мы — все сгорели в огне б
За черный уголь, за черный хлеб;
За черные руки рабочие
Мы дважды сгорели в огне б!

(Перевод В. Державина)

В 1928 году выходит сборник поэта «Здания», отмеченный горячим дыханием первой пятилетки. Поэзия Миколы Бажана обращается к новому животворному источнику героических тем и замыслов—труду народа, строящего социалистическое общество

От стихотворения к стихотворению Бажан прокладывал все больше дорог к образу своего будущего героя — политического борца и строителя. Этот образ встал в центре поэмы «Бессмертие», посвященной Сергею Мироновичу Кирову. В облике славного ленинца поэт прежде всего увидел зримые черты человека новой эпохи.

С первого дня войны поэт-коммунист на фронте — политработник, полковник, редактор газеты «За Радянську Україну», военный корреспондент и пламенный публицист. 6 ноября 1943 года Бажан вместе с солдатами Красной Армии вступает на улицы освобожденной украинской столицы. По свежим следам жгучих и драматических впечатлений этого дня был написан цикл «Киевские этюды».

Вскоре после окончания войны Бажан дважды выезжает на родину Шекспира и Бернса. Итог этих поездок — цикл «Английские впечатления». Строки поэта бьют по поджигателям войны, по «странствующим джентльменам» английского колониализма. И наряду с этими гневными публицистическими стихами — стихи совершенно иного плана. Они посвящены народной Англии, простым людям, сердца которых не с «лордами войны», а с борцами за мир.

Вслед за «Английскими впечатлениями» возникла книга «У Спасской башни». Перед глазами читателя проходят картины борьбы русского и украинского народов с татарским игом, шляхетской неволей, царем, капиталом, гитлеровским нашествием. Переходя из эпохи в эпоху, мысль художника устремляется к современности и воплощается в образах нерушимой дружбы новой Украины и новой России.

Уже четыре десятилетия Бажан переводит многие шедевры русской, грузинской, узбекской, индийской и английской литературы.

Каждый подлинный художник, говорил Иван Франко, подобен дереву: своими корнями он глубоко врастает в родную землю, а своей кроной поднимается в небо общих интересов всего человечества.

Этими мудрыми словами в полной мере может быть охарактеризована недавно изданная книга стихов Бажана «Итальянские впечатления». Только подлинный интернационализм мог дать ему такое глубокое понимание жизни, надежд и чаяний простых людей Италии. Встречи с ними с новой силой всколыхнули в сердце художника высокие чувства сына партии первого в мире государства трудящихся:

Пусть же в единый ритм,
в общих надежд поток
Вплавится слово мое,
голос души моей,
Чувства такого взлет
как никогда высок.
Нет в самой сильной душе
этого чувства сильней!

(Перевод Н. Ушакова)

В мае этого года была напечатана большая поэма Бажана «Полет сквозь бурю». Она связывает воедино главные мотивы его творчества и показывает, как много нового внесли в его поэзию животворные идеи XX съезда нашей партии.

Поэма «Полет сквозь бурю» была завершена поэтом в канун его шестидесятилетия. Она свидетельствует о свежести восприятия художника и о способности его поэзии подниматься все выше — вместе со своей Родиной, партией, историческим движением всего человечества.

Евг. АДЕЛЬГЕЙМ

ЛЮБОВЬ К ЗОЛОТУ И МИССИСИПСКАЯ ЧЕРЕПАХА

На прилавках книжных магазинов появился роман Д. Краминова «Амур и черепаха». С автором романа читатель привык встречаться на газетных полосах журналист-международник, Даниил Краминов объездил добрых три десятка стран, и его корреспонденции, очерки и статьи публиковались во многих периодических изданиях. За последние годы мы познакомились и с Краминовым-писателем. «Амур и черепаха» — третье литературное произведение, принадлежащее его перу

Место действия романа — Соединенные Штаты Америки, где автор прожил не один год Отсюда точные описания многоликого Нью-Йорка, меткие характеристики его обитателей верно наблюденные привычки и нравы, отражающие лицо сегодняшней Америки Но все это еще не составило бы романа, не будь в нем политически острого сюжета.

Если хозяин — золото то человеку на службе у этого хозяина удобнее всего иметь деревянную душу «Дело Мактафа», составляющее сюжетную линию произведения, раскрывает зловещую противоречивость американского общества, в котором нормальные человеческие чувства и качества — любовь, дружба, верность своим идеалам — подвергаются ежечасному жестокому испытанию золотом. История Нийла Мактафа шахтера, ставшего видным государственным чиновником,— это трагедия человека, который позволил хозяевам купить себя, но оставил в себе кусочек живой души. Делая карьеру, Мактаф старается не совершать подлостей Он даже наивно верил, что, завоевав собственное благополучие, войдя в круг «сильных», он сможет помочь своим землякам — шахтерам Западной Вирджинии, «бедствующего района» США. Но интересы хозяев угольных шахт, которые сделали Мактафа «почти министром» и рабочих, среди которых он вырос, оказываются несовместимыми. Меры, предложенные Мактафом, могут ущемить интересы королей угля. И Мактафу грозит крах. Но сохранившийся кусочек живой души не дает ему покоя. Мактаф начинает борьбу, конечно законную, но неравную, обреченную на провал. Хозяева, оскорбленные «неблагодарностью» Мактафа, расправляются с ним быстро и жестоко сначала он оказывается в психиатрической больнице а затем его просто выбрасывают на задворки жизни.

Автор не старается во что бы то ни стало вызвать сочувствие к Мактафу Мактаф — слабый человек, не видящий перед собой ясной цели, не сознающий, как он должен жить. Он просто песчинка, попавшая в огромные колеса американского большого бизнеса, и эти колеса, скрипкуя, размололи ее в прах.

Но Мактаф не единственный герой романа. На его страницах читатель встретится и с другой Америкой, которая знает, чего она хочет. Социальные пласты американского общества показаны автором словно в разрезе, и читателю предоставлена возможность наблюдать жизнь американцев разных профессий, с разными доходами и, соответственно, с разными убеждениями

Автор не скрывает своих симпатий и антипатий. Фигура советского журналиста «Майкла» Хлынова, который фактически и ведет рассказ о «деле Мактафа», позволяет автору четко и ясно донести до читателя свои мысли

Да и сам Д. Краминов выступая как писатель, вовсе не перестал быть журналистом И в этом не слабость, а сила его произведения Говорят, что журналистика имеет дело с фактами. В романе осмысленные по-писательски факты по-журналистски сохраняют свою остроту и злободневность.

А. НИКАНОРОВ

Даниил Краминов. Амур и черепаха. Роман «Молодая гвардия». Москва 1964.

ЭТО МОЖНО СДЕЛАТЬ ВЕЗДЕ

•

См. последнюю страницу обложки.

Эта выставка необычна: здесь посетитель [redacted] не только посмотреть, но и приобрести интересующие его экспонаты. Речь идет о выставке изделий из стекла, фарфора и керамики, организованной Киевским совнархозом в столице Украины на Крещатике

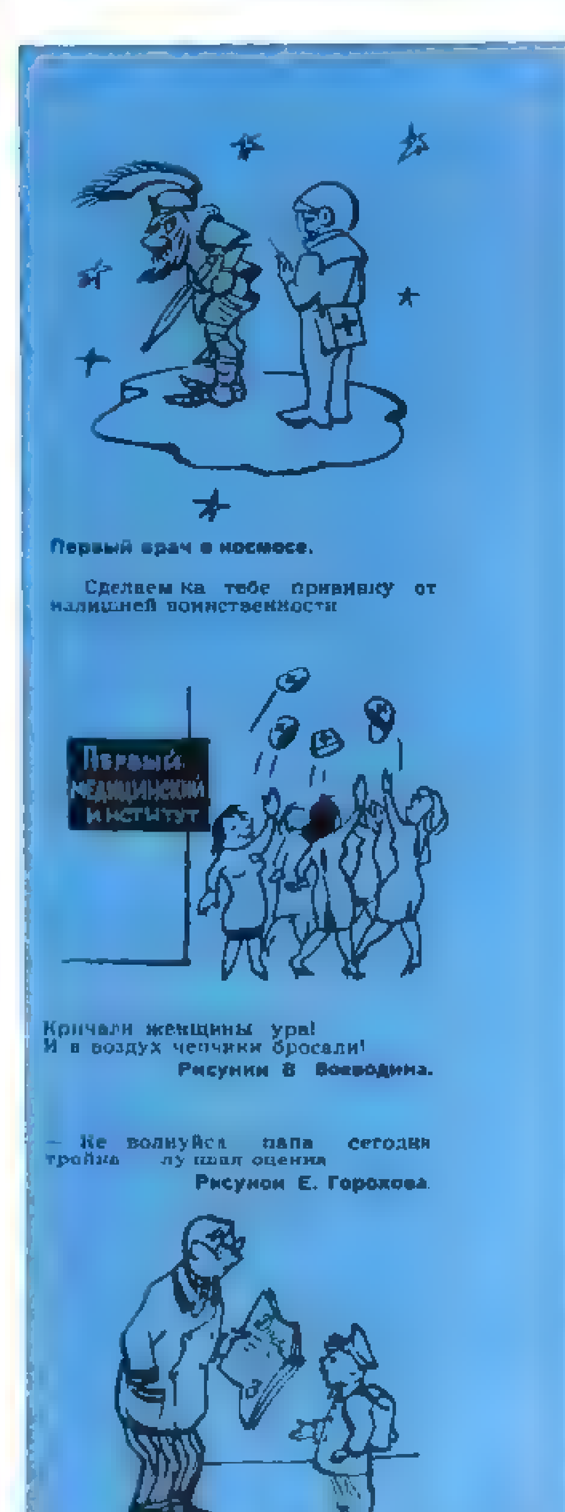
Залы ее никогда не бывают пустыми. Здесь представлена продукция двенадцати заводов фарфоро-фаянсовой и стекольной промышленности — двух киевских, Васильковского, Барановского, Довбышского, Коростеньского, Городницкого... Посуда, вазы, статуэтки и прочие бытовые и декоративные изделия. Над созданием этих по-настоящему красивых вещей трудятся одаренные художники, народные мастера. Многие из них удостоены золотых и серебряных медалей на международных выставках.

Если посетитель облюбовал какой-то предмет, а его в продаже нет, можно оформить заказ в специальном бюро, и вам пришлют домой извещение, когда явиться за покупкой.

Работники выставки внимательно прислушиваются к запросам и замечаниям покупателей, сообщают о них заводским коллективам. Это помогает улучшать качество продукции, планировать выпуск тех предметов, которые пользуются наибольшим спросом.

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Первый врач в космосе.

Сделаем-ка тебе прививку от излишней воинственности

Кричали женщины ура!
И в воздух чепчики бросали!

Рисунки В. Воеводина.

— Не волнуйся, папа, сегодня тройка — лучшая оценка

Рисунок Е. Горохова.

Олимпийский стадион замер — рождается новый рекорд...

Фото ЮПИ и А. Катк

Петер Снелл (Новая Зеландия) пришел первым, он стал победителем в беге на 800 метров.

Вот он, Ирина Прес
на — это новый мир
слава советс

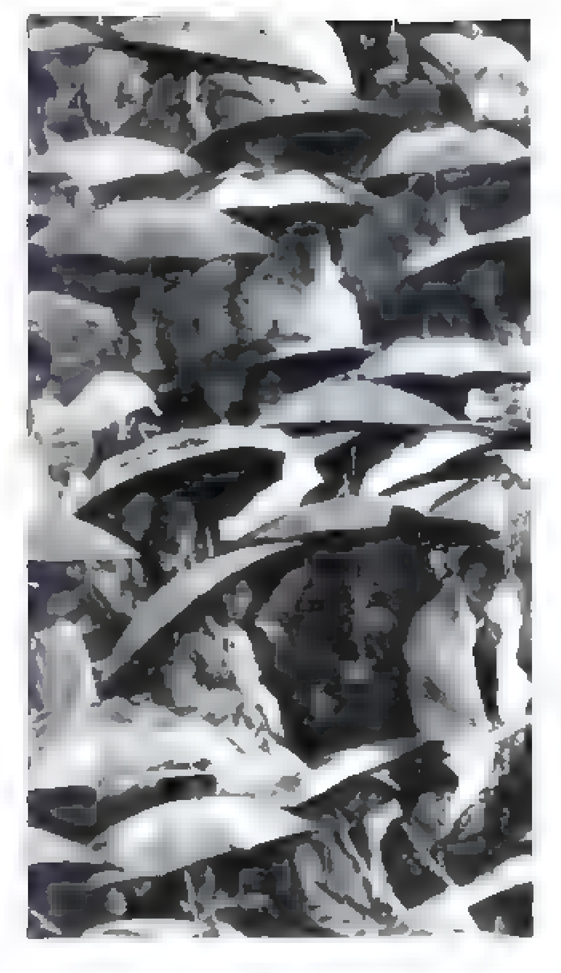
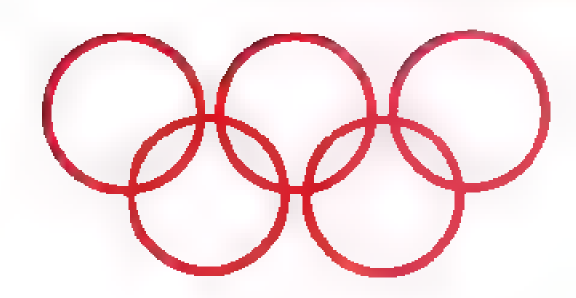

Фото ЮПИ и А. Катнова (ТАСС)

Вот она, Ирина Пресс! Ее 5 246 очков — это новый мировой рекорд, новая слава советского спорта.

НЕУДАЧИ...

Токийскую олимпиаду можно назвать олимпиадой сюрпризов. Она уже закончилась крахом для многих, казалось бы, бесспорных фаворитов и самых знаменитых прорицателей. Кто мог предвидеть, что чемпион XVII Олимпийских игр в беге на 5 тысяч метров новозеландец Халберг не попадет в финал, что мировой рекордсмен в беге на 10 тысяч метров австралиец Кларк окажется на финише лишь третьим, что непревзойденный прыгун с шестом американец Пеннел сойдет на «детской» для него высоте — 4 м 85 см и не окажется даже в числе призеров, что норвежский копьеметатель Т. Педерсен, недавно установивший мировой рекорд — 91 м 72 см, не сможет выполнить квалификационной нормы — 77 метров, что наша Эльвира Озолина не выиграет соревнований по метанию копья, а Татьяна Щелканова займет по прыжкам в длину всего лишь третье место?

Но и на этом сей скорбный перечень рухнувших надежд не заканчивается. Участь Щелкановой разделил ее коллега по прыжкам американец Бостон. Этот замечательный прыгун незадолго до Олимпиады установил новый мировой рекорд, а теперь пропустил вперед англичанина Дэвиса, которого никто раньше не замечал, и вырвал у Тер-Ованесяна второе место в последней, шестой попытке.

А что можно сказать о неудаче, постигшей яхтсмена, олимпийского чемпиона в звездном классе Тимира Пинегина? Он был третьим в первой гонке, первым — во второй и сразу же заявил о себе как о претенденте на новую победу. И вот, уверенно лидируя в третьей гонке, совсем недалеко от финиша он теряет мечту во время налетевшего шквала...

Конечно, неудача неудаче рознь. И если можно склонить голову перед Татьяной Щелкановой, которая проиграла двум своим соперницам, превысившим ее мировой рекорд, если можно представить себе психологическое состояние Озолиной, чей мировой рекорд был побит ее подругой Горчаковой еще на утренних квалификационных соревнованиях, то как объяснить провал наших легкоатлетов в стайерском беге? Разве может служить для нас утешением, что сам Халберг не попал в финал и что сам Кларк недооценил американца Миллса и тунисца Гаммуди? Наш провал в беге на 10 тысяч метров — дистанции, которую мы выигрывали на двух предыдущих олимпиадах,— не может найти оправдания.

Во время этого забега моим соседом оказался Эмиль Затопек. Перед стартом я спросил его, кто победит. Знаменитый атлет назвал троих: Халберга, Кларка и Болотникова. Когда я обратил его внимание на абиссинца Волде, он только пожал плечами. А Волде закончил бег четвертым, он почти все время шел в головной группе, в то время как Болотников, выступавший больным, и молодой бегун Дутов отказались от борьбы за медали.

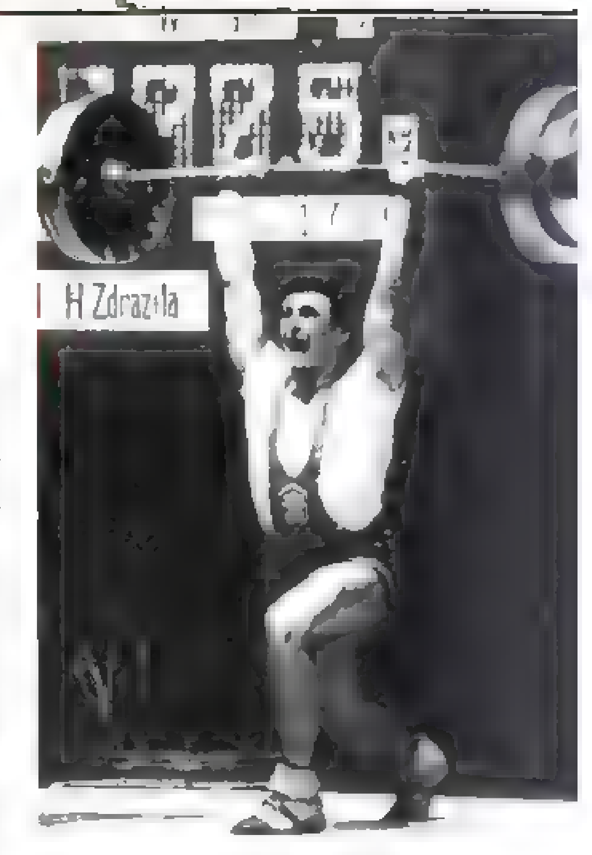
Это было невиданное зрелище: в головной группе не было ни одного европейского бегуна. Борьбу за золотую медаль вели австралиец, американец и два африканца. Победа в беге на 10 тысяч метров — большой успех американских тренеров, которые старательно перенимали наш опыт.

...И ТРИУМФЫ

Только на четвертый день легкоатлетических соревнований мы наконец-то завоевали первую золотую медаль. Правда, надо сказать, что эта медаль стоит пяти других. Разве победа в пятиборье, которое впервые включено в программу Олимпийских игр, не достойна высших похвал!

Два дня вела борьбу с англичанкой Мэри Рэнд и своей подругой Галиной Быстровой Ирина Пресс. Она показала исключительно высокие результаты почти во всех видах и победила с новым мировым рекордом. Так были вознаграждены поистине героические усилия аспирантки Института железнодорожного транспорта Ирины Пресс. Она преодолела травму, на целый год выбившую ее из тренировочного ритма, сумела освоить новую технику в толкании ядра, самоотверженно готовилась к Олимпиаде. Все это принесло ей победу.

Стараясь доказать, что наши легкоатлеты умеют побеждать не только в разряде женщин, но и в мужских номерах программы, Ромуальд Клим своим четвертым броском молота завоевал золотую медаль. И все же ни эта награда,

Ганс Здразила (Чехословакия) берет вес — есть золотая медаль!

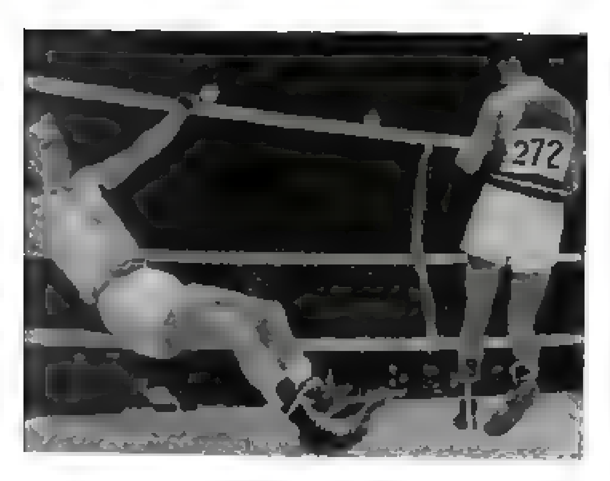
И снова звучит наш гимн! На олимпийском пьедестале — А. Медведь (СССР). Его поздравляет болгарин С. Шерифов, справа — А. Аиж (Турция).

етры олимпиады

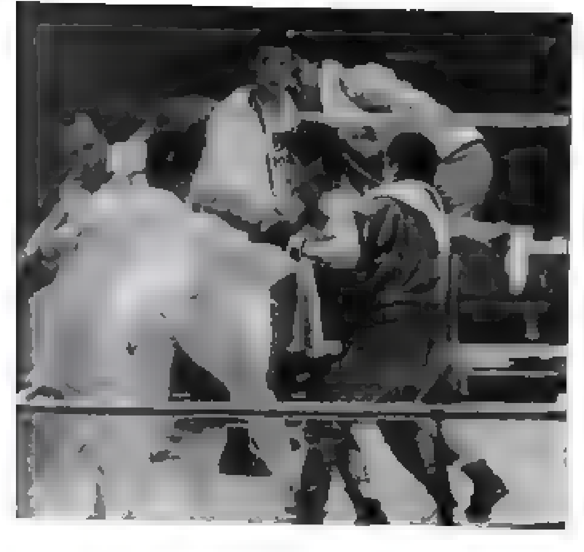

Редкий случай: филиппинец А. Торревиллас на коленях в нокдауне, а Б. Карвонен (Финляндия) нокаутирован...

Англичанин Мак Ласки не выдержал натиска советского боксера С. Сорокина.

Бывает и такое — испанец В. Лорен напал на судью...

ни серебряная медаль Олега Федосеева, которую он добыл в соревнованиях по тройному прыжку, ни бронзовая медаль Лусиса в метании копья не могли рассеять чувство неудовлетворенности. Оно не покидало нас на Национальном стадионе. Где бы мы ни искали утешения — на канале Тода, восторгаясь триумфом Иванова, на борцовском ковре, восхищаясь победами Иваницкого и Медведя,— мы не могли забыть о неудачах наших легкоатлетов.

Но главная сенсация Олимпиады — все же не победы спортсменов США (их силы давно известны), а успех атлетов африканских стран. Газета «Ниппон Спортцу» дала такой заголовок к своей статье: «Черный ураган на токийском ринге». Африканские спортсмены, которые дебютировали в Риме, теперь с успехом продолжают выступать и в Токио. Двадцать шесть африканских стран прислали своих представителей на XVIII Олимпиаду. Здесь они выступают в роли старательных, очень способных учеников. Нет никаких сомнений, что через четыре года, в Мексике, они выйдут на новые победные рубежи.

18 октября, на девятый день Олимпиады, определилась и вторая сенсация игр — триумфальный финиш наших тяжелоатлетов. 4 золотых медали и 3 серебряных! Не осуществилась даже весьма скромная мечта Боба Гофмана, руководителя американских штангистов, который надеялся увезти в Америку хотя бы одну золотую медаль.

Состязания штангистов, вновь доказавших, что советские богатыри являются сильнейшими в мире, завершились поединком тяжелоатлетов. В нем участвовало 10 атлетов из восьми стран. Но внимание до отказа переполненного зала было приковано лишь к тройке претендентов на призовые медали — Юрию Власову, Леониду Жаботинскому и Норберту Шеманскому.

Сейчас уже все позади, исход этой борьбы известен всему миру. А у меня перед глазами по-прежнему помост зала Сибуйя, полоски цифр на электрифицированном щите, толпа спортсменов, тренеров, судей у подножия сцены и сверкающая под лучами своеобразных юпитеров штанга. Закончится Токийская олимпиада, пройдут годы, появится на помосте новое поколение атлетов, но эта встреча двух советских атлетов — Власова и Жаботинского — останется одной из самых ярких страниц истории спорта.

Токио.

Похвальная настойчивость

Известная английская легкоатлетка Мэри Рэнд упорно готовилась к Олимпийским играм в Токио. У Мэри много забот по уходу за ребенком и по хозяйству. Но она, решив во что бы то ни стало добиться на соревнованиях успеха, совмещала домашние заботы со спортивной тренировкой.

На снимке вы видите, как Мэри Рэнд тренируется у себя дома перед выездом в Токио.

Рэнд установила в Токио мировой и олимпийский рекорд по прыжкам в длину

Так будет выглядеть одна из зон отдыха у прокатного стана «1700»

ВЛАДЕНИЯ РАБОТЯЩЕЙ КРАСАВИЦЫ

На рисунке палитра художника и крюк подъемного крана, бережно поднимающего алую розу — символ прекрасного. Это эмблема начатого в городе Жданове похода за высокую культуру производства.

Да, будут цвести розы на металлургическом заводе имени Ильича. Гигант черной металлургии за последнее время стал еще могущественней. Он получил от строителей непрерывный тонколистовой стан «1700», несколько мартенов, первую очередь конвертерного цеха, доменную печь большой производительности.

Мощности агрегатов поистине огромны. Но для того, чтобы сполна освоить их, нужна, кроме хорошо выверенной технологии, промышленная эстетика. Ведь ее возможности очень велики. Специалисты, например, утверждают, что благодаря правильному подбору окраски оборудования производительность труда возрастает на 15—17 процентов.

Ждановские металлурги пригласили работящую красавицу — эстетику не в гости, а на постоянное жительство. По их просьбе составляется комплексный план благоустройства и озеленения завода. Над ним в Ждановском отделении украинского института «Гипроград» работает главный архитектор проекта К. В. Черный, инженер по озеленению Л. А. Аникин, архитектор О. К. Плесков и другие работники института.

Сначала новый облик примет территория, примыкающая к стану «1700». Потом наступит очередь других цехов.

Будут созданы восемь зон, где можно отдохнуть в обеденный перерыв, воспользоваться услугами почты, телеграфа, мастерских по ремонту одежды. Появятся в зонах отдыха и кафе, павильоны-читальни. Деревья, кустарники, цветы, бассейны и фонтаны украсят свободные от застройки участки.

Авторы проекта вышли за пределы завода, решив придать новый облик площади у его главного входа. Издали будет виден барельеф Владимира Ильича Ленина. Неподалеку отводится место для доски почета с портретами отличников производства, ударников коммунистического труда. Для разведчиков будущего — конструкторов, изобретателей, рационализаторов — на площади воздвигнут инженерный корпус.

Конечно, промышленная эстетика придет и в производственные корпуса. Об этом позаботится созданный на заводе художественно-технический совет.

Ан. ВЕТРОВ

Партизанский табель

На пожелтевшем листке сверху напечатано: «1943—1944 учебный год». А немного ниже: «свидетельство Данилкович Елены ученицы III-го класса партизанской школы отряда имени Калинина».

Обладательница табеля, как свидетельствуют подписи командира отряда Н. Ляпичева, комиссара Ф. Беляева и учителей Ф. Корабетки и П. Ивановского, получила отличные и хорошие отметки. В последнем столбце значится. «Переведена в четвертый класс» — и дата — 25 июня 1944 года.

Этот документ попал в руки доктора исторических наук А. Н. Залесского во время экспедиции Института искусствоведения, этнографии и фольклора в Брестскую область. Необычное свидетельство было выдано ученице партизанской лесной школы, действовавшей на оккупированной врагом территории. Отпечатан табель в типографии областной подпольной газеты «Заря».

Удалось узнать и о самой школе партизанского отряда имени Калинина, который тогда базировался вблизи деревни Песин. Спасаясь от преследований фашистов, в отряд пришли многие жители близлежащих деревень вместе с детьми. Поэтому партизаны и создали свою школу. Зимой занятия проходили в землянке, а летом на свежем воздухе в «семейном» лагере. Трудностей у школы было немало. Рядом — враги. В школе не хватало бумаги, карандашей, учебников. Но ребята все равно получали знания по программам советской школы.

Обладательница редчайшего документа Елена Данилкович ныне живет в деревне Песин, работает акушеркой. Табели партизанской школы сохранили также жители Березовского района И. Воли, Н. Сырысько и А. Сырысько. А у Надежды Воли хранится еще один любопытный документ, свидетельствующий о том, что в июне 1944 года Надежда сдала в своей партизанской школе нормы на значок «Будь готов к санитарной обороне».

Институт искусствоведения, этнографии и фольклора сейчас собирает материалы и о других партизанских школах в лесах Белоруссии.

С. РАТГАУЗ

Совесть и доллар

В. НИКОЛАЕВ

Рисунок В. Черникова

«Я не завоюю себе популярности, снова поднимая этот вопрос. Но кто-то должен это сделать. Не говорить ничего и — что еще хуже — не делать ничего, значит, показать всему миру, что мы просто отмахнулись от всего».

Так начал разговор со своей совестью один американец. Наверное, его взволнованные слова никогда бы не дошли до нас, будь он обыкновенным, средним американцем, каких миллионы. Но таких, как он, в США немного. Он видный, преуспевающий американец. Он из Далласа...

Корреспондент «Лука» попросил Джека Шэа — вице-президента и директора «Америка петрофина компани оф Техас» — поделиться с ним своими мыслями о Далласе. Шэа изложил свои соображения на бумаге. Журнал напечатал их. В комментариях редакция так прямо и подчеркивала, что ее интересовало мнение преуспевающего человека именно из Далласа. Ведь это своего рода сенсация! Что получится из такой сенсации, «Лук», очевидно, не предвидел. И теперь уже не редакция, а сама жизнь комментирует и дописывает исповедь Джека Шэа, который пытался проанализировать, почему жители Далласа, по его выражению, «сами вогнали себя в истерику».

Джек Шэа вспоминает, как в Далласе был оплеван и едва не избит Эдлай Стивенсон, приехавший туда, чтобы торжественно отметить День Объединенных наций. Он вспоминает, как в 1960 году толпа великосветских дам из числа «бешеных» поливала грязными оскорблениями Линдона Джонсона, тогда еще сенатора, и его супругу во время приема в Далласе. В церковном приходе Шэа, богатейшем в городе, даже папа римский был объявлен предателем. «Было похоже,— пишет Шэа о горожанах своего прихода,— что эти люди положили начало новой религии. Они отставили бога в сторону, приберегая его на крайний случай, и заменили религию доктриной общества Джона Бэрча (крупнейшей в США организации ультраправых.— В. Н.)».

Джек Шэа пишет, что вначале он «не обращал на это внимания» потому, что «гораздо легче стоять в стороне, чем бороться». Шэа, например, припоминает историю с университетом в Далласе. Он, как богатый житель города, многим помог университету. Но на его глазах в руководство университета пробрались отъявленные фашисты. «Я тогда просто устранился,— с запозданием кается Шэа.— Мне следовало бы бороться».

Теперь он упрекает себя и других высокопоставленных жителей Далласа. «Лидеры Далласа,— заявляет Шэа,— банкиры и бизнесмены, просто стояли в стороне, в то время как сеятели ненависти действовали. Так мы позволили фанатикам поставить под угрозу судьбу целого города».

«В день похорон президента,— свидетельствует Шэа,— священнику нашего прихода посоветовали не устраивать молебен по убитому. При этом был выдвинут такой аргумент: если убийство было единственным способом избавиться от Кеннеди, то, значит, это событие надо торжественно отпраздновать, а не отмечать заупокойной молитвой».

Шэа ясно начинает осознавать вредоносность фашистской чумы. Он пишет: «Я знаю, что в других городах тоже есть эта зараза, но очаг эпидемии здесь, в Далласе». Он выражает надежду, что настанет время перемен, но перемены эти зависят от американцев, в частности и от жителей Далласа. «У нас есть возможность излечить Даллас, и не только один Даллас, от этой болезни»,— заключает Джек Шэа.

Апологеты американского образа жизни утверждают, что свободное выражение своего мнения — безусловная привилегия всех жителей США.

Вскоре после своего выступления в «Луке» преуспевающий американец Джек Шэа стал... безработным.

«Сначала,— рассказывает Шэа,— компания предъявила мне ультиматум: я должен был дать слово никогда не выступать публично, не согласовав предварительно своего мнения (в письменной форме) с руководством компании». Потом его просто вышвырнули за борт. «С его карьерой в нефтяном бизнесе,— сказал один из бывших коллег Шэа,— теперь покончено. Забудьте о нем».

Журнал «Лук», заваривший всю эту кашу, не предполагал, конечно, что дело зайдет столь далеко. В одном из последних номеров редакции пришлось вернуться к этому делу. На сей раз, правда, слово предоставили не Джеку Шэа, а редактору журнала Джорджу Харрису. В отличие от Шэа он, несомненно, выражает свои мысли, согласовав их предварительно с издателями «Лука».

Харрис пускается в пространное философствование о праве американца, так или иначе участвующего в бизнесе, выражать свои политические взгляды. При этом Харрис рассуждает не только о таких людях, как Шэа, но и вообще о тех, кто живет на зарплату, то есть о миллионах американцев. На печальном примере Джека Шэа читателям «Лука» рекомендуют быть поосмотрительней, не входить в противоречие с бизнесом, не наносить ему и себе ущерба выражением своих политических взглядов. Иными словами: хочешь получать прибыль или просто зарплату, хочешь иметь крышу над головой и быть сытым,— помалкивай! Будешь высказывать свои соображения,— выметайся на улицу!

«Лук» по этому поводу разражается поистине потрясающей сентенцией, вкладывая ее в уста анонимного бизнесмена из Далласа: «Никто не засадил Джека Шэа в тюрьму за его слова, но конституция не гарантирует работу. Служащий не имеет права отделять себя от компании, а компания, в свою очередь, имеет право защищать свои интересы, если они поставлены под удар. Шэа дал своей компании повод сомневаться в его способностях правильно решать вопросы и разбираться в ситуации».

«Правильно решать вопросы!» Едва Шэа начал задумываться о чем-то ином, кроме прибыли, как ему дали пинка. Таково понятие «свободы мнения» у бизнеса.

После выступления Шэа в «Луке» ультра из Далласа пытались бойкотировать «Америка петрофина компани оф Техас». Но теперь напротив! Прибыли у компании растут. Все в порядке. Политика доллара действует по своим законам. А личность? Личность может сколько угодно высказываться... на пустой желудок.

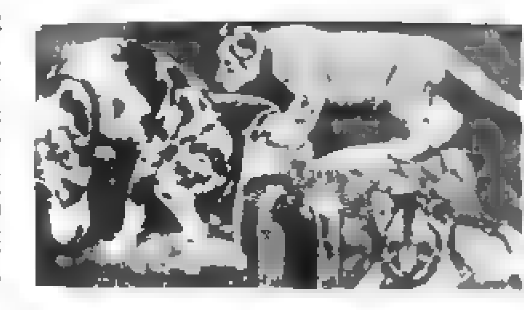
Фашиствующие молодчики в Далласе начали травлю Джека Шэа и его семьи — жены и троих детей. Сигнал дала городская пресса. Поток угроз, нецензурных и клеветнических писем обрушился на дом Шэа. Сам он уже причислен к «коммунистам». Джека Шэа изгнали с поля, где он обычно играл в гольф. От него отвернулись члены его клуба. А «ведущий адвокат» Далласа громогласно заявил по поводу выступления Шэа: «Никто, кроме собаки, не гадит в своей конуре».

Вот небольшая история, случившаяся в Далласе, которая тоже как-то характеризует обстановку в южных штатах Америки накануне президентских выборов.

Забавные мелочи

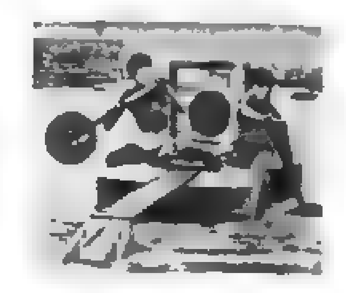
ЗООПАРК В КВАРТИРЕ

Все члены семьи Эймозе, проживающей в Копенгагене большие любители животных. В их квартире живут 7 собак, 4 кошки, 3 гуся, 2 попугая 2 обезьяны, лебедь и черепаха. Как-то в местном зоологическом саду после родов погибла львица. Осиротевших трех львят взяли к себе Эймозе. Выкармливает львят собака.

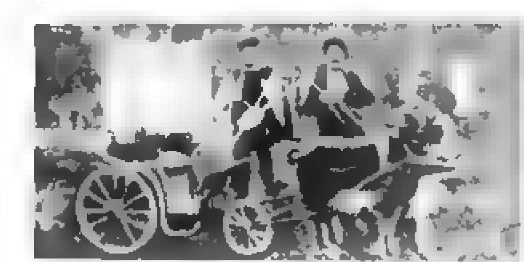
НА ГИТАРЕ ПО ВОДЕ

Молодые люди из известного квартета «Битлз» стараются всеми способами сохранить свою популярность. Недавно двое из них в целях рекламы совершили прогулку по Темзе в лодке, представляющей по форме гитару

В ПАРИЖ И ОБРАТНО

В югославском городе Синь живет 78-летний Петар Зелько, который 35 лет назад совершил поездку из своего родного города в Париж и обратно на повозке, запряженной двумя козлами. Путешествие оригинального туриста продолжалось пятнадцать месяцев.

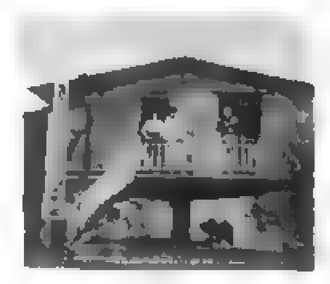
ПРОТИВ ДОЖДЯ

Одна западноберлинская фирма изготовила оригинальное устройство, облегчающее езду мотоциклистов во время дождя. В шлем мотоциклиста вмонтирован вентилятор, который, вращаясь под напором ветра, разбивает падающие дождевые капли и рассеивает их

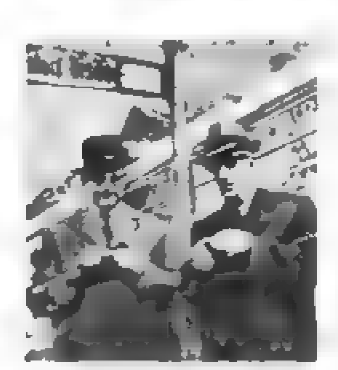
СЛЕДОМ ЗА СОЛНЦЕМ

Итальянский инженер Бруно Чирелли построил дом, который при помощи электронного оборудования поворачивается на оси фасадом к солнцу

ЕСТЬ И ТАКИЕ МУЖЧИНЫ

В западногерманском городе Хельмштадт существует клуб мужчин — любителей вязания. Члены клуба вяжут трикотажные изделия по нескольку часов в день. Есть такие энтузиасты, которые, как это видно на снимке, занимаются любимым делом даже на автобусных остановках.

ДЕНЕЖНЫЙ ПРЫЖОК

Нередко в западных странах спортсмены подвергают себя риску ради коммерческой сенсации. Вот пример: французские парашютисты совершили затяжной прыжок над пропастью в Альпах.

В ДУХЕ РУССКОЙ СТАРИНЫ

«Дети Ванюшина» С. Найденова. Шаткий, гнилой, неустойчивый мир одряхлевшего «темного царства», и в этом мире — Арина Ивановна Ванюшина, добрая, простоволосая, готовая принять удар на себя, лишь бы близким не было так больно. Но напрасны усилия Арины Ивановны: не в ее власти остановить историческую неизбежность. Дом Ванюшиных предназначен на слом.

Так играет Арину Ивановну А. Соломонова — вы видите ее на снимке — в интересном спектакле Владимирского театра (режиссер К. Шахбазиди). Играет в благородной реалистической манере, которой прославились знаменитые, ныне покойные, «старухи» Малого театра от О. О. Садовской до недавно покинувшей нас В. Н. Рыжовой. Неоспоримая правда бытового облика. Живая русская речь. Душевность. Индивидуальное в типичном.

Биография Соломоновой началась в заводской самодеятельности. Это было давно. Последние двадцать лет жизни актриса отдала театру города Владимира, который самим своим обликом и духом русской [illegible]

З. ВЛАДИМИРОВА

СПЕКТАКЛЬ СТАЛ ПРАЗДНИКОМ

О новой премьере в Киргизском государственном драматическом театре — спектакле «Материнское поле» — в республике говорит как о празднике национальной культуры

Сезон только что начался, но все билеты уже проданы на два месяца вперед. И заявки продолжают поступать из самых отдаленных районов Киргизии.

Когда работа над пьесой была еще в «застольном» периоде, в театр часто приходил автор повести «Материнское поле» лауреат Ленинской премии Чингиз Айтматов. Он помогал актерам находить точные сценические образы, вносил уточнения в киргизский перевод инсценировки Б. Львова-Анохина.

Теперь писатель приходит в театр простым зрителем и горячо аплодирует вместе со всем залом талантливой игре народной артистки Киргизии Дарикуль Куюковой, воплотившей на сцене яркий, глубокий по мысли, щедрый чувствами образ Толгонай.

На снимке: сцена из спектакля «Материнское поле»

НАВСТРЕЧУ БОЛЬШОЙ ДАТЕ

Из Львовского украинского драматического театра имени М. Заньковецкой приглашение на спектакль прислали, когда еще шли последние репетиции пьесы «На переломе ночи» Р. Иваничука и Б. Антківа. В конверте мы нашли эскизы декораций художника В. Борисовца. Главный режиссер театра С. Смеян рассказал по телефону, что постановку эту театр посвящает большой дате: 25-летию воссоединения Западной Украины с УССР.

●

ВМЕСТЕ С ДРУЗЬЯМИ

У Молдавии и Киргизии давно завязалась творческая дружба. Продолжая ее, Кишиневский русский драматический театр имени А. П. Чехова поставил пьесу киргизского драматурга Токтоболота Абдумомунова «Обжалованию не подлежит».

Кишиневская постановка правдива, убедительна; спектакль, переселившись за тысячи километров, не утратил национального колорита. У молодого режиссера В. Маринина — недавнего выпускника студии МХАТ — нашлось много помощников из Киргизии.

Киргизский композитор Б. Костромитинов прислал свою музыку к спектаклю. Из Фрунзе в Кишинев пришла партия посылок с национальными костюмами...

На снимке: Сцена из спектакля «Обжалованию не подлежит». Омор — И. Сологубенко, Нурдин — В. Левинзон.

О БОГАТЫРСТВЕ РУССКОМ

О спектакле Омского драматического театра «Ермак» нам написали зрители.

— Когда смотришь спектакль, кажется порой, будто живешь вместе с героями 300 лет назад. Такое богатырство русское в игре артиста В. Лукьянова (Ермак).

Спектакль, поставленный Е. Хигеровичем, пробуждает большую любовь к родной Сибири. Действие пьесы М. Бударина происходит и на берегах Иртыша и в маленьких деревушках, рассыпанных по громадной сибирской земле. Сюда приходит Ермак со своей дружиной, бесстрашной, могучей вольницей. И как-то сливаются в сознании просторы Сибири с силой свободолюбивых и могучих людей.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В БАЛЕТЕ

Изящен, легок, полон солнечного ликования танец молодых солистов Ашхабадского театра оперы и балета имени Махтумкули — Л. Кондюковой и Б. Караханова. Они танцуют в балете «Студенты», посвященном современной туркменской молодежи. Музыка написана композиторами И. Якушенко и Х. Аллануровым, постановка заслуженного деятеля искусств Туркменской ССР К. Джапарова. Этот снимок сделан во время репетиции. Спектакль посвящен 40-летию республики.

Фото Д. Ухтомского.

«ЧУЖОЙ»

В результате контузии на войне солдат полностью потерял память. А когда через годы память вернулась к нему, он вспомнил, как убивал, насиловал, жег — был одним из тех, кого породил режим бесноватого фюрера. Человек хочет бежать от страшных картин прошлого. Но куда? Ведь он всем чужой...

Действие пьесы «Чужой» происходит в Западной Германии. Написал ее грузинский драматург Сосо Бегиашвили, а поставил Грузинский театр имени Марджанишвили. В спектакле заняты лучшие силы театра. Главную роль — Ромео — играет молодой артист Отар Мегвинетухуцеси. Вы видите его на снимке.

Спектаклем «Чужой» открылся 37-й сезон театра имени Марджанишвили.

Н. МЕСХИ

г. Тбилиси.

Фото В. Джейранова и Н. Курхули.

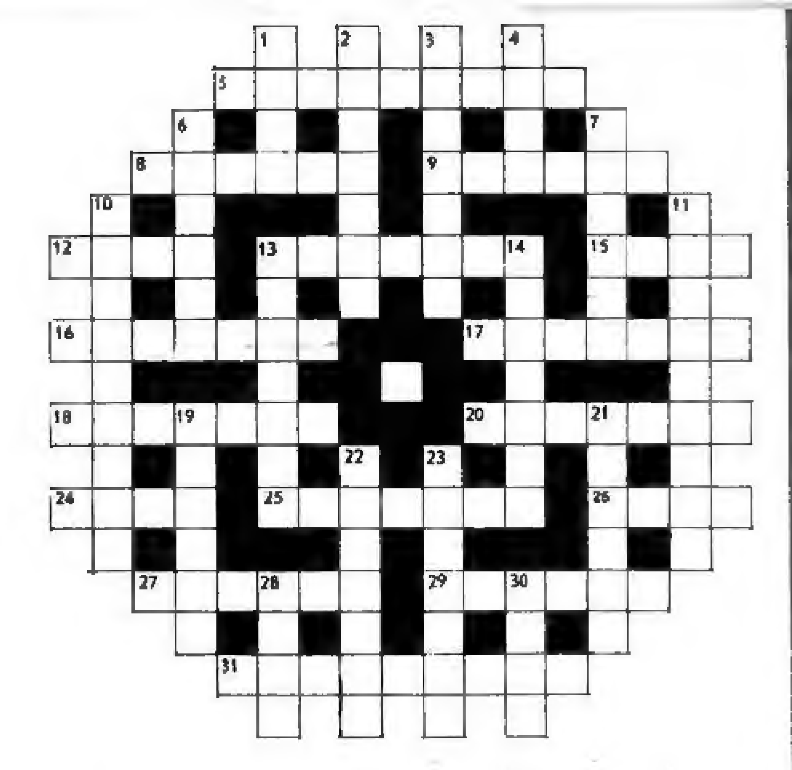

Зритель аплодирует

Уходя с этого спектакля, зритель бережно и тщательно расправляет программу и аккуратно прячет ее, чтобы не помялась в дороге. Ведь в этой программе ноты — новая песня Анатолия Новикова. Ее только что исполнили на сцене артисты Ростовского театра музыкальной комедии. Хор кубинских повстанцев звучал сурово и задушевно, а в антрактах и после спектакля зритель напевал и эту и другие мелодии из оперетты «Королева красоты». Несмотря на короткую пока сценическую жизнь, оперетта композитора Новикова полюбилась не только зрителям Ростова, но и Москвы, где с успехом гастролировал недавно ростовский театр.

Фото Н. Ефимова.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Русский ученый-энциклопедист. 8. Столица Республики Мали. 9. Размер страницы, листа бумаги. 12. Математический знак. 13. Роман Р. Джованьоли. 15. Культурно-просветительное учреждение. 16. Прохладительный напиток. 17. Город в Болгарии. 18. Вид сатирической и юмористической литературы. 20. Высочайшая горная система. 24. Шахматная фигура. 25. Река в Северной Америке. 26. Народный писатель Латвийской ССР. 27. Садово-огородный инвентарь. 29. Химический элемент, мягкий металл. 31. Картина Н. М. Прянишникова.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Места в зрительном зале. 2. Специалист по подводным работам. 3. Кондитерское изделие. 4. Пушной зверь. 6. Персонаж оперы Дж. Верди «Отелло». 7. Советский металлург и химик, академик. 10. Род крокодила. 11. Искусство приготовления пищи. 13. Спортивное сооружение. 14. Птица семейства ибисов. 19. Остров на Байкале. 21. Минерал синего цвета. 22. Зодчий, создавший здание Адмиралтейства в Ленинграде. 23. Тригонометрическая функция. 28. Частица элемента. 30. Персонаж пьесы М. Горького «На дне».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ в № 43

По горизонтали: 4. Земфира. 6. Колобок. 7. Планета. 10. Палатка. 11. Бархан. 13. Долото. 14. «Бирюк». 16. Пуниров. 17. Дубрава. 19. Топка. 20. Редька. 22. «Казаки». 24. Смальта. 27. Тбилиси. 28. Трактор. 29. Дебюсси.

По вертикали: 1. Печора. 2. Кролик. 3. Белуга. 5. Кресло. 6. Корреспондент. 8. Аккомпаниатор. 9. Капри. 12. Наживка. 13. Дворжак. 14. Брест. 15. Круча. 18. Шпала. 21. Капица. 23. Апатит. 25. Мастер. 26. Турист.

На первой странице обложки:

Они из трех братских республик. Они подружились в Москве. Фармон Сабиров, аспирант Тимирязевской академии, приехал в столицу из Узбекистана. Айсолтан Гараханова вернется в родную Туркмению инженером-экономистом. А посланцы Таджикистана Сохиба Ходжаева и Умед Саидмурадов получат дипломы Московского химико-технологического института имени Менделеева.

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. **Оформление Л. Шумана.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусства — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00778. Подписано к печати 21/X 1964 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 906 500. Изд. № 1740. Заказ № 2796.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Карандаш — именинник

...Вот уже 35 лет шествует он по аренам более чем ста цирков в нашей стране и за рубежом. Марсель, Берлин, Милан, Лондон, Рио-де-Жанейро, Бухарест весело хохотали и рукоплескали маленькому человечку в огромных стоптанных башмаках. Горячо любят его и у нас.

Когда же появился этот насмешливый, неловкий, но всегда обаятельный клоун? Рождение его было далеко не легким.

— Как это часто случается с талантливыми людьми, Михаил Николаевич Румянцев в годы учения в школе циркового искусства не отличался на первый взгляд особыми способностями,— вспоминает первый его учитель, главный режиссер Московского цирка М. С. Местечкин.— Был момент, когда его даже хотели отчислить из школы. Румянцев был в то время чрезвычайно застенчивым человеком и в присутствии посторонних боялся, казалось, произнести слово. Мне было очень жаль его, так как я ощущал каким-то седьмым чувством, что это человек необычный и при определенных обстоятельствах сможет раскрыться. Я не обманулся в своих предчувствиях.

Проходя как-то по коридору школы, я заметил, как Румянцев репетирует один. Стараясь быть незамеченным, я просмотрел всю его репризу и еще раз убедился, что этого человека «упускать» нельзя.

В 1930 году, окончив школу, Михаил Николаевич Румянцев появился на цирковых аренах страны. Первое время он очень удачно выступал в роли Чарли Чаплина. Публика принимала его тепло, но самого артиста эта роль со временем начала тяготить. Приходилось быть рабом определенных, присущих другому человеку движений, жестов, мимики, всего внешнего и внутреннего облика его. Да и публика наша ждала чего-то нового. Румянцев мучительно думал о своей собственной маске. Вместе с тем расстаться с уже полюбившимся образом Чарли было и трудно и жалко.

Так и остался от старого образа черный костюм, огромные стоптанные ботинки, тросточка, а цилиндр превратился в мягкую шляпу с узкими полями.

Первое время зрители еще продолжали по привычке называть его Чаплином. Но Румянцев упорно вырабатывал новую манеру игры, создал даже свой сцени-

— Если этот упрямец не хочет

У подъезда цирка.

— Пока у меня перерыв, поснимаю дрессированных собачек. Уж больно они забавные!

— А вот я его сейчас искупаю!

Снова за работу. Надо подкачать музыкальных эксцентриков Киселя с Клюквой, чтобы лучше дудели в свои трубы.

...меня везти, так я его сам увезу с арены!

ческий голос, все больше и больше освобождаясь от привычных жестов и мимики. В 1936 году маска окончательно была создана. На афишах появилось новое имя — «Карандаш».

С тех пор прошло немало времени, а этот человек все так же неистощим на выдумки, так же остро в нем чувство смешного. Находчивость, остроумие его необычайны. Бывали случаи, когда он придумывал новые репризы буквально на ходу.

Выступления Карандаша интересны не только с чисто внешней, развлекательной стороны. Это чрезвычайно умный, тонкий художник. Своим искусством он продолжает лучшие традиции наших выдающихся мастеров цирка Владимира Дурова и Виталия Лазаренко. Его репризы несут большой внутренний смысл. Достаточно вспомнить его блестящие выступления во время войны.

Человечность, любовь к людям с их слабостями и недостатками во многом отличают творческий почерк этого любимого всеми зрителями артиста.

В. МОРОЗОВА

Фото А. БОЧИНИНА.

— Ну и пусть! Зато я им сейчас покажу, какой я акробат!

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

